

Annotation

Они знакомы пятнадцать лет. В прошлом – мальчик из богатой семьи, получающий все, что пожелает, и девочка из трущоб, привыкшая бороться за свое место под солнцем. В настоящем – друзья, напарники, любовники. Мужчина, готовый принимать любимого человека со всеми его недостатками. И женщина, которую слишком сильно билась жизнь и разучила верить людям.

Сложное задание на планете-тюрьме все расставит по местам. Диверсия, стирание памяти и выживание в нечеловеческих условиях никого не оставят прежними. Победить врагов можно при помощи хитрости и оружия. Побороть собственные предрассудки поможет только любовь.

Татьяна Солодкова
Пролог

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Татьяна Солодкова
Птицеферма

Пролог

Из переписки

Эмбер. Привет. Спишь?

Ник. Сплю. (Смайлик, упавший на спину и раскинувший руки в стороны, высунув язык набок.)

Эмбер. Очень смешно.

Ник. Смешно.

Ник. Но ты права, не очень.

Ник. Ты как?

Ник. Эй, Янтарная.

Ник. Прием.

Ник. Предупреждаю, я сейчас запаникую и начну тебе звонить.

Ник. Я нервный, ты в курсе.

Ник. Янтарная, считаю до пяти, а если ты не отвечаешь, то звоню и бужу твою соседку.

Ник. Пя-а-а-а-а-а-ать...

Ник. Четыре...

Ник. Три...

Эмбер. Ты сдурел? Я попить отходила.

Ник. О, жива! (Смайлики – танцующие мартышки.)

Эмбер. Балбес. (Смайл, крутящий пальцем у виска.)

Ник. Так чего будила?

Эмбер. А ты правда спал?

Ник. Вопрос к делу не относится. Я тебя слушаю.

Эмбер. Ничего такого.

Ник. С ума с вами, женщинами, сойдешь. (Смайлик, стреляющий себе в голову.)

Ник. Волнуешься?

Эмбер. Немного.

Ник. Ага, и поэтому ты будишь меня среди ночи, чтобы поболтать. (Смайлик с табличкой «Не верю!»)

Эмбер. Ты не спал!

Ник. Просто у меня чуткий сон.

Эмбер. Зануда.

Ник. Каюсь.

Ник. Виновен.

Ник. Так что ты хотела?

Ник. Seriously.

Эмбер. Волнуюсь.

Ник. Без паники. Все подготовлено и проверено миллион раз.

Эмбер. А кто вчера устроил Старика скандал и доказывал, что это должен быть он, а не я?

Ник. Я просто тебе позавидовал.

Эмбер. Или испугался.

Ник. Ну точно – что вся слава пройдет мимо меня.

Эмбер. Спасибо.

Ник. За что?

Ник. Я еще вроде как ничего не сделал.

Эмбер. Подбодрил.

Ник. Всегда готов.

Эмбер. Спокойной ночи.

Ник. Погоди.

Эмбер. Я тут. Джилл храпит. Вряд ли я сумею сегодня заснуть.

Ник. Из-за Джилл. Ну-ну.

Ник. Слушай.

Эмбер. Вся внимание.

Ник. Я уже серьезно.

Эмбер. Да-а-а?

Ник. Да.

Ник. Я лично проверял все отчеты. Разговаривал с нашим человеком ТАМ.

Ник. Все на мази, нужные люди получили обговоренные суммы и даже чуть больше.

Ник. Ты получишь дозу препарата втрое меньше обычного.

Ник. Вспомнишь все через несколько дней.

Ник. Тот мамой клянется, что осечек не будет.

Эмбер. Ник.

Ник. Что?

Эмбер. Я тоже читала отчеты, плюс Старик провел инструктаж.

Все будет.

Ник. Тогда ложись спать.

Эмбер. Только если ты заберешь от меня Джилл.

Ник. Нет уж.

Ник. Она не в моем вкусе.

Ник. А ты, если хочешь, приезжай.

Эмбер. Мы это уже проходили. Отстань. Шутка устарела.

Ник. Никогда не поздно попытать удачу.

Эмбер. Ты в пролете.

Ник. Я в курсе.

Ник. Так что иди спать.

Эмбер. Уговорил. Ухожу.

Ник. До завтра.

Эмбер. Завтра мы уже не пересечемся. Я вылетаю на рассвете.

Ник. В смысле?

Ник. Планы поменялись?

Ник. Почему я не в курсе?

Эмбер. Да, сегодня вечером внесли коррективы. Спокойной ночи.

Ник. Ты так шутишь, да?

Ник. Янтарная?

Ник. Глупая шутка.

Ник. Эмбер?

Ник. Ты еще там?

Ник. Черт!

Ник. Я выезжаю к тебе.

Последние семь сообщений не прочитаны.

* * *

Комната металлическая. Из металла вокруг все: пол, стены, потолок, стол и даже стул, прохладу которого чувствую сквозь тонкую ткань штанов. Наручники на моих запястьях – тоже металлические, как и скоба на поверхности стола, к которой их кто-то пристегнул. Кто? Когда? В голове туман, плотно покрывающий все то, что было до

момента «здесь и сейчас».

Некоторое время рассматриваю наручники, затем опускаю взгляд на себя: на мне серая пижама. Это ведь пижама, правда? Широкие

штаны и удлиненная футболка; ткань тонкая. Зябко повожу плечами, отчего гремит цепочка, соединяющая браслеты на моих руках со скобой стола. Звук отдается в висках тупой болью, хочется потереть лоб, но не дотянуться. Тут же начинает чесаться нос. Дергаю цепочку наручников с силой, но ничего не происходит. Снова этот звон.

Приходится встать и наклониться к самой столешнице – только так есть возможность достать пальцами до лица. Мм, блаженство... С облегчением прикрываю глаза, а когда распахиваю – вокруг темно. От неожиданности падаю обратно на стул, его острые края больно впиваются в бедра. Звенит цепочка.

Освещение не возвращается, зато глухая до этого стена передо мной оживает, превращаясь в экран. Вернее, в первое мгновение думаю, что это экран, но нет, передо мной кое-что поинтереснее – зеркало.

Жадно вглядываюсь в прикованную к столу молодую женщину в серой одежде. Худошавая, прямой нос, тонкие губы, светлые волосы до плеч, спутанные.

Дергаю плечом, и женщина в зеркале повторяет мое движение. Значит, все-таки не галлюцинация, это я. Я... такая? Не помню. Опять хочется потереть лоб или почесать нос – видимо, нервное, – но на сей раз сию не шевелясь.

– Добрый день, – приветствует меня мужской голос.

Вскидываю голову, верчу ею по сторонам, но так и не нахожу взглядом динамик, поэтому решаю смотреть прямо перед собой: если зеркало – все же экран, то, очевидно, мой невидимый собеседник прячется за ним.

Понимаю, что губы пересохли.

– Да пошел ты, – разлепляю их и произношу нечто, чего сама от себя не ожидаю. Вежливое «Здравствуйте» или агрессивно-нервное

«Кто вы и где я?!» были бы в данной ситуации уместнее. Но мне не хочется кричать и требовать, мне хочется... да, именно послать подальше своих мучителей.

Теряюсь, опускаю взгляд, рассматриваю руки. У меня тонкая кость, белая кожа с синими прожилками вен. На правом предплечье синяк.

Однако голос за зеркалом не трогает моя реакция. Пожалуй, меня

саму

она удивила и смутила больше.

– Как вас зовут? – спрашивает он все с тем же равнодушием, что и поздоровался ранее.

Снова открываю рот и... закрываю. В голове туман. Все, что было до этого момента, – белый лист.

– Как вас зовут? – повторяет голос. Он совершенно точно принадлежит мужчине. Но живому ли? Не робот ли играет со мной в игры?

Чувствую раздражение. Опять возникает желание огрызнуться, но сдерживаюсь.

– Как вас зовут? – спрашивают меня в третий раз. Да он издевается!

– Я не знаю! – выкрикиваю. Хочу зло, а выходит беспомощно и жалко.

Сердце гулко колотится в груди. Я правда не знаю, ни кто я, ни как меня зовут, ни как здесь оказалась. Я даже эту женщину в зеркале вижу впервые. И вообще, она мне не нравится. Вон какая у нее сейчас гримаса на лице. Это... я?

Однако, кажется, кто его знает кто удовлетворен.

– Что последнее вы помните?

Ответ «Ни черта!» его устроит? Спокойно, спокойно... Выдыхаю. Напрягаюсь и действительно пытаюсь вспомнить хоть что-то. Но помню лишь эту камеру.

– Ничего, – выдыхаю, читая ужас на лице женщины в зеркале.

Теперь она нравится мне еще меньше – выглядит совсем жалко.

– Сколько будет пять умножить на восемь?

– Сорок, – отвечаю на автомате.

– Столица Нового Рима?

– Ромеро.

– В каком веке человек совершил первый полет в космос?

На этот вопрос женщина в отражении не отвечает и хмурится.

Кажется, начинаю к ней привыкать.

Упрямо сжимаю губы и не собираюсь больше отвечать на

вопросы из программы младших классов. Я помню ответы на все, могу даже назвать год, в который Колумб открыл Америку. И мне хочется выть и биться в своих оковах от осознания того факта, что история Старой Земли мне известна лучше, чем собственная биография.

Я – ничто. Я – белый лист...

Глава 1

Два года спустя

Лето в этом году выдалось жарким, что удивительно, как говорят старожилы. Верю им на слово, потому что мне довелось застать лишь прошлое – ветреное и влажное. Зато тем летом отлично росли овощи. Этим же почва сохнет и трескается, а посевы приходится регулярно поливать и молиться, чтобы урожай удался. Впрочем, молиться – сильное преувеличение. Вряд ли Бог заглядывает на Пандору.

– Гагара, ты идешь?! – кричит мне Сова, закончившая свою часть работы, гремит пустым ведром.

– Догоню! – откликаюсь и делаю знак, чтобы возвращалась без меня.

Та пожимает плечами и уходит. Я не нравлюсь Сове. Она говорит, что я еще не смирилась, а такие только вносят смуту в привычный уклад жизни.

Выливаю с помощью кривого металлического ковша остатки воды из своего ведра на чахлую ботву моркови – на урожай которой все еще надеюсь, – и бреду к лагерю. Куда медленнее уже скрывшейся из вида Совы – тяну время. Мне некуда спешить и не к кому торопиться.

Вечереет. Солнце уже не печет как сумасшедшее, но все равно жарко и душно.

Срываю косынку с волос и вытираю вспотевшее лицо.

Прошлым летом было легче: от холода можно скрыться под теплой кофтой. От жары не спрячешься. На мне лишь тонкий сарафан на бретелях (сама перешла старое платье), но пот струится по телу, будто меня искупали. Не знаю, как Сова ходит в такую погоду в наглухо застегнутой рубашке с воротником-стойкой. Я бы уже задохнулась. А она говорит, мой сарафан – призыв к разврату...

Пусть говорит – Сова уже немолода, ей положено учить

«молодежь» жизни.

Подхожу к поселению. Помыться бы, но до реки идти далеко, а скоро нужно готовить ужин (моя смена) – не искупаешься.

Ничего, вот все уснут – и тогда в моем распоряжении будет целая ночь.

– Гагара у нас законодательница мод? – врывается в плавный ход моих мыслей чужой голос. – Мне нравится твое новое платье. – Чиж сидит на крыльце и с важным видом стругает какую-то ветку. Не прерывается даже для того, чтобы пробежать по моей фигуре сальным взглядом. – Конфетка.

Сомнительный комплимент – на такой жаре конфеты ассоциируются у меня с чем-то гадким и липким.

– Дать поносить? – огрызаюсь.

Прохожу по самому краю ступеней, чтобы не приближаться к Чижу – с этого станется, может начать распускать руки.

– Я не ношу бабские шмотки, – хохочет Чиж, не вняв угрозе в моем голосе. – Я их снимаю!

Снимает – не поспоришь. Снимает со всех, кто позволяет ему это сделать. А это доброе большинство Птицефермы. Чиж красив: темные вьющиеся волосы, синие глаза. И имеет совершенно несносный характер: с мужчинами сцепляется, тренируя кулаки, женщин воспринимает как тела для развлечений. Но многим местным девчонкам нравится – Чиж популярен.

Мне не нравится в нем решительно ничего. И, видимо, именно это подстегивает его ко мне интерес.

Говорят, лет десять назад на Птицеферме творился полный беспредел – все брали всё и всех, кого хотели. Насиловали и убивали друг друга, женщины так вообще жили недолго. А те, кто выживал, лучше бы умерли.

А потом появился Филин. Сколотил банду из тех, кто разделял его идеи, и навел порядок. Отладил режим работы на рудниках, ввел дежурства на огороде и на кухне, запретил открытое насилие.

Говорят, первое время вешал недовольных по трое в день.

А потом улеглось, устаканилось.

Говорят... По их словам, я попала на Птицеферму в хорошие времена, на все готовое, и должна радоваться. Сам Филин считает меня неблагодарной, потому что я все равно не испытываю радости, как ни пытайся ее в меня вбить.

Сломанные ребра срослись, а я все равно не рада...

– Чи-и-и-иж! – Из барака выбегает Кайра, пара Чиж.

Без пары на Птицеферме нельзя – так повелел Филин. После запрета на сексуальные домогательства окрыленные свободой выбора

женщины полностью перекрыли доступ к своим телам, и ущемленные мужчины чуть было не устроили бунт. Волнения Филин пресек и нашел нехитрый выход: каждой женщине – по постоянному партнеру, тем, кому женщины не хватило, можно «арендовать» тех, кто состоит в паре. Разумеется, по взаимному согласию. Потому что мы не Цветы или Камни – на Птицеферме царят законы цивилизованного общества. Не согласна – пойдешь по кругу, а затем на ветку ближайшего дерева с петлей на шее. Все просто и доходчиво: кости срастаются, а желание спорить отпадает. У меня отпало.

Кайра мчится к своему мужчине с каким-то делом, а меня замечает только в последний момент. Успеваю увернуться – затоптала бы.

– А, это ты? – Девушка презрительно кривит фиолетовые губы. Свекольный сок вместо помады, сажа вместо краски для бровей, кусок ткани под грудью, чтобы ее максимально приподнять, – вместо бюстгалтера. В этом вся Кайра – самая красивая женщина Птицефермы, по мнению большинства. – Опять к моему мужику лезешь?! – И самая ревнивая. Сколько волос она выдрала у тех, кто неосторожно засматривался на Чиж в ее присутствии...

Чижу нравится, он и сейчас довольно похихикивает у меня за спиной. Надеется на драку. Женские разборки – его любимый вид развлечения, особенно когда они случаются из-за него.

– Пройти дай, – прошу, крепче сжимая дужку ведра в своей ладони.

Именно прошу.

Мы с Кайрой дрались дважды – не из-за Чиж. Вернее, она из-за Чиж. А я – потому, что, когда на меня замахиваются, бью в ответ.

В первый раз Филин пожурил обеих и простил. Во второй – признал меня зачинщицей и вынес приговор. Мягкий по понятиям Птицефермы – розги. На спине остались шрамы, до сих пор иногда ноют на плохую погоду.

– Пройти дай, – повторяю, так как Кайра не двигается с места. Если ударит, тоже ударю не задумываясь, какие бы последствия меня ни ждали. Но если можно избежать драки – постараюсь.

Теперь я умнее. Филин прав: все поддаются дрессировке. Рано или поздно.

– А если не дам, то что? – Пухлые свекольные губы презрительно кривятся.

Вскидываю голову, встречаясь с Кайрой взглядом. На ее лице написаны вызов и решимость, а в глубине зеленых глаз – страх. Я вижу его, чувствую. Кайра задевает меня потому, что уверена: я не рискну вызвать гнев Филина вновь. Но она не забыла то, что в тот раз я не сломала ей руку лишь потому, что нас вовремя растащили. И сделаю это вновь, пусть я и легче ее килограмм на пятнадцать, – играючи, в два движения.

Ничего не говорю, только смотрю. Пристально, предупреждающе.

Кайра отводит взгляд и отступает на шаг в сторону – я худая, мне хватит.

– Сиськи прикрой! – несется уже вслед. – Еще раз увижу тебя в этом платье!..

Не слушаю, хлопаю дверь, обрубая от себя поток брани Кайры, летящий мне в спину под аккомпанемент одобрительного смеха Чиха – вот уж два сапога пара.

Пальцы свело от злости так, что побелели костяшки, – с трудом сдержалась.

Еле разжимаю ладонь, чтобы поставить ведро.

* * *

В тесной комнатухе – никого. Выдыхаю с облегчением: минуты одиночества бесценны.

Бросаю взгляд на раскиданные на полу вещи – Пингвин снова побросал грязную одежду и ушел по своим делам.

Поднимать сил нет – все жара, я совсем выбилась из сил. А еще ужин... Поэтому решаю провести короткий перерыв с пользой – падаю навзничь на кровать и просто лежу, глядя в потолок. В углу серый пластик потрескался и отошел – если пойдет дождь, то зальет. Надо чинить.

Прикрываю глаза и думаю о том, что на крышу придется лезть самой.

Чих на днях залатал участок над своей комнатухой. По доброте душевной мне никто не поможет, а Филина просить отправить кого-

нибудь – бесполезно. Для Главы это слишком мелко, скажет, чтобы разбирались сами. Чих возьмется с удовольствием, но потребует оплату натурой. Ворон – откажет. Зяблик – пообещает, но не сделает... А Пингвин все равно не станет – сошлется на усталость. Или на головную боль, или на желудочную колику – судя по количеству известных ему болезней, в прошлой жизни мой сожитель явно был

связан

с медициной.

Тяжелые шаги, хлопок двери.

– О, уже готова! – довольно присвистывает вошедший Пингвин.

Порываюсь подняться, но не успеваю – на меня наваливается тяжелое тело, потное, пыльное после целого дня на руднике. Как всегда: переоделся, но не помылся.

Пытаюсь столкнуть его с себя, но тут же получаю осязаемый тычок под ребра.

– Не рыпайся, дурная, – пыхтит куда-то мне в область шеи, задирает сарафан до самого живота, пристраивается.

Закрываю глаза и... не рыпаюсь. Это правила игры, законы Птицефермы – отказывать своему мужчине нельзя. И все, что могу, – закрыть глаза и представить, что я не я, или я, но не здесь, или здесь, но не с ним.

Закусываю губу так, что чувствую привкус крови. Терплю, только сжимаю пальцами край покрывала.

Просто перетерпеть... Пара минут...

– У-ух! Хорошо! – Кровать натужно скрипит, и с меня исчезает тяжесть чужого тела. Моя единственная удача состоит в том, что Пингвин – скорострел.

Так и лежу, кусая губы, снова смотрю в потолок.

Мне нечего сказать этому человеку, не в чем обвинить – он действует строго в рамках правил Птицефермы. Пингвин – хороший работник, и в качестве награды ему «подарили» меня. Поэтому он в своем праве.

– Тетерев убился, – буднично сообщает Пингвин.

Судя по шуршанию ткани, натягивает штаны. Не поворачиваю головы.

– Вот мы пораньше и свернулись.
Никак не реагирую.

– Мы с мужиками – к реке.

Не отвечаю.

– Ну, я пошел... А, чуть не забыл! Футболку еще постирай. – Швыряет на пол и выходит.

Хлопок двери.

Удаляющиеся шаги.
Тишина.

Прикрываю глаза и сотрясаюсь от беззвучных рыданий. Кусаю кулак, надеюсь, что боль отрезвит и поможет взять себя в руки.

Слезы – пустое. Рыдать по себе – бессмысленно. Это Пандора, тут нет невиновных, мы все заслужили свой маленький тесный ад и будем вариться в нем, пока не сдохнем. Ад, в котором я существую почти два года.

Тогда, два года назад, я открыла глаза в странной комнате без окон и вдруг поняла, что не помню о себе ровным счетом ничего. На меня смотрели чужие глаза с чужого лица. А это оказалось зеркало..

Кто я такая, мне сказали позже – преступница, осужденная на пожизненное заключение на Пандоре, планете-тюрьме. Отсюда нет выхода. Это конечная точка моего маршрута.

У меня больше нет прошлого, меня лишили имени. Теперь я – Гагара, часть лагеря «Птицы». Я – никто.

«За мелкие нарушения на Пандору не попадают. А убийц и прочих права выбора лишают. И поделом. Раньше надо было думать», – сказал мне конвоир, последний не из «птичьего» сообщества, с кем я говорила.

Раньше... Только такого понятия, как «раньше», ни для кого из нас нет – все, что было до Пандоры, стерто.

Встаю и бреду к тазу с водой, предусмотрительно оставленному мною с утра на подоконнике – за день вода прогрелась на солнце. Ее немного, но, чтобы перебить запах Пингвина мылом, хватит.

Вытираюсь. Некоторое время думаю, не переодеться ли, но в итоге так этого и не делаю – нужно спешить на кухню.

* * *

Бреду в темноте, практически на ощупь.

Не стала зажигать свечи, чтобы не разбудить Пингвина, а вслепую не сумела найти в комнате фонарь. Поэтому иду – медленно, осторожно раздвигая кусты и стараясь не свалиться в яму и не покалечиться. С медициной у нас неважно: специалистов нет, из медикаментов – только самое необходимое и в ограниченных количествах.

Сова разве что умеет грамотно делать перевязки и зашивать раны

кривой
прошлой жизни была врачом.

иглой. Сама она уверена, что в

Скорее бы прийти.

Ночь, а по-прежнему душно – ни ветерка. Кажется, уже слышу шум реки.

Еле дождалась окончания ужина и всеобщего отбытия ко сну. Ощущение – что выделившийся за день пот вот-вот разъест кожу до мяса.

Другие женщины ходили искупаться в то время, когда мы с Совой готовили ужин. Видела, как за ними увязался Чиж – наверняка подглядывать. Филин смотрит на это сквозь пальцы. «Подглядывать, но не трогать – не преступление», – это цитата.

Поэтому в ночном купании есть несомненный плюс – все спят.

В итоге, пока добираюсь до реки, обдираю о сухие ветки обе руки и подворачиваю ногу – лодыжка горит огнем.

Добредаю до воды, несколько раз оборачиваюсь, чтобы убедиться, что за мной от поселения не увязался «хвост», и только после этого сбрасываю сарафан и вхожу в реку.

Вода такая холодная, что сводит зубы; притупляет боль в подвернутой ноге.

Захожу глубже, настолько, что касаюсь каменистого дна только кончиками пальцев, отталкиваюсь ногами – плыву.

Надо мной – сияющие звезды, подо мной – темная манящая глубина.

Красиво.

А что, если вот так закрыть глаза и не сопротивляться? Вдохнуть ледяную жидкость полными легкими? Перестать барахтаться и пойти ко дну?

С этими мыслями позволяю себе уйти с головой под воду, но тут же выныриваю. Трясу головой, разбрасывая брызги.

Нет.

Однажды я сдохну на этой богом забытой планете. Но не сегодня.

Не по собственной воле.

Не так.

Глава 2

Пандору случайно открыли лет пятьдесят назад – так говорят.

Вдали от населенных человечеством планет, в неисследованной части космоса, некоторое время она использовалась то ли наркоторговцами, то ли контрабандистами. Потом их нелегальный бизнес разоблачили, участников арестовали, а планету «закрыли».

«Закрыли» официально, но это не помешало охотникам за удачей посещать ее нелегально. Пошли слухи, что от бывших хозяев на Пандоре осталось много ценного, и каждый, кто не ленился отправиться в дальнейшее путешествие, стал испытывать судьбу в надежде поживиться тем, что плохо лежит.

Сперва власти смотрели на шумиху вокруг Пандоры сквозь пальцы – все по-настоящему ценное они уже успели прибрать к рукам сами. Планету грабили. Рушили постройки, оставшиеся от первооткрывателей, вывозили все, что оказалось забытым и никому не нужным: технику, мебель и даже посуду.

Пандора превратилась в планету-призрак: обесточенные здания с пустыми глазницами выбитых окон и с покосившимися дверьми – бараки, внутри которых поселились мрак и сырость, оборванные провода на месте вырванных с корнем бытовых приборов, разбитые санузлы с вечным запахом застоялой воды из-за давно не функционирующей канализации.

Говорят, здесь даже снимали настоящий фильм ужасов. Но

«живописный» антураж фильм не спас, и он провалился в прокате.

А еще лет через двадцать кто-то из авантюристов, не переставших пытаться найти на Пандоре то, до чего не добрались предшественники, все-таки преуспел – на планете обнаружили залежи железной руды.

На этот раз планету на самом деле «закрыли» от случайных визитеров. Стали завозить оборудование, копать шахты, строить временное жилье для рабочих.

Но удаленность Пандоры сыграла свою роковую роль: транспорт, топливо, техника для рудников, заработная плата рабочим, для которых к тому же требовалось создать достойные условия жизни, – все это

стало источником колоссальных затрат. И добыча руды на Пандоре была признана нерентабельной и изначально провальной затеей.

Однако на тот момент шахты были почти готовы – укреплены, но еще не снабжены электроникой. И тогда-то кому-то в голову пришло, что ситуацию еще можно спасти – если использовать бесплатный труд, не тратить средства на восстановление бараков, а планету контролировать лишь из космоса.

Так Пандора стала планетой-тюрьмой.
На краю Вселенной.

Тюрьма для самых отпетых преступников, смертную казнь которым заменили пожизненным пребыванием... здесь.

А чтобы у заключенных не возникло соблазна бежать, было принято решение стирать им память. «Облагораживающий» труд и жизнь с чистого листа – чем не рекламный слоган?

Законопроект – приняли. Авторов проекта – наградили. Планета-тюрьма начала функционировать.

Говорят, поначалу тут были надсмотрщики и даже медицинский персонал. Но после череды убийств и тех и других новыми обитателями планеты все свободное население вывезли, а заключенных оставили предоставленными самим себе.

Говорят... «Говорят» – потому что у этой информации нет достоверного источника. Эта история передается из уст в уста и с каждым разом обрастает все новыми подробностями: кто-то нашел старые записи, кому-то достался словоохотливый конвоир.

Я собирала сведения по крупицам, расспрашивала, узнавала подробности, сопоставляла разные версии. В первые полгода здесь эта информация казалась мне важной. Тогда мне еще не верилось, что я тут навсегда.

С Пандоры невозможно сбежать. Грузовые катера прилетают за добытой рудой без четкого графика, а при погрузке стреляют на поражение, если кто-то подойдет ближе чем следует. Пытаться пробраться на катер Тюремщиков – неплохой способ самоубийства, однако вовсе не путь к спасению.

Но мы все заслужили свою жизнь здесь. Серийные убийцы, насильники, террористы, педофилы – по словам моего конвоира, другие сюда не попадают и Пандора – место, где мы можем хотя бы

частично искупить свои грехи. Работать и раскаиваться в содеянном до конца своих дней.

Правда, сложно испытывать чувство вины за то, чего ты не помнишь. Почему тем, кто все это придумал, не пришло это в голову?

Я часто думаю, кем была там, в прошлой жизни. До сих пор. Кем

были Пингвин, Сова, Кайра... Полагаю, я могла быть убийцей или террористкой, что в принципе одно и то же. Иногда меня накрывает от ощущения неправильности, несправедливости происходящего настолько, что, мне кажется, будь у меня бомба, взорвала бы тут все и всех.

Не на пустом же месте рождаются такие мысли? Но в то же время меня не радует вид смерти и крови, и это выпадает из нарисованной воображением картины, пазл не складывается.

Тетерева хоронят на местном кладбище. Вместо надгробия – крупный камень с выбитым на нем резцом именем, ненастоящим – птичьим. Никто не знал, как звали Тетерева на самом деле и кем он был, даже он сам.

Стою позади и вновь и вновь гоняю в голове мысли о Пандоре и обо всем, что мне о ней известно. Кем бы я ни была, у меня определенно есть склонность к сбору и анализу информации. И я до сих пор пытаюсь получить ответы, хотя и понимаю, что они ничего не изменят.

Филин подходит к свежей могиле и заводит речь о том, что мы потеряли друга и будем скорбеть о нем, о том, что Птицеферма – наш дом, а мы в ней – семья, и потеря каждого ее члена невосполнима.

Морщусь и отворачиваюсь, пока оратор не заметил выражение моего лица. Он всегда внимателен к настроению зрителей, а мне не нужны проблемы.

Другие слушают внимательно или делают вид, что слушают. Чиж, например, с очень серьезным видом и взглядом, устремленным на Главу, мнет ладонью ягодицу Кайры. Та млеет и придвигается ближе. Сова все сильнее опирается на клюку – устала стоять. Пингвин чешет живот. Чайка ковыряет землю носком ботинка, время от времени вскидывая голову, чтобы Глава увидел, что у него есть внимательные слушатели.

– Тетерев был верным другом, хорошим работником...

Громкий голос Филина летит над нашими головами, а сам он прохаживается взад-вперед перед свежей могилкой, руки с переплетенными пальцами – перед грудью. Филин словно лектор перед аудиторией студентов-лоботрясов – непонятно, неинтересно, но присутствовать надо, да и лектору наплевать.

Филин еще молод, но любит изображать из себя умудренного жизнью старца. Впрочем, возможно, его поведение закономерно – ему лет сорок пять, а до пятидесяти тут обычно не доживают. Старше Филина на Птицеферме только Сова, остальные, как говорит Глава, – молодежь, и нас еще учить и учить. Что он и делает. Раз за разом. Кнутом и... кнутом – розгами и виселицей.

Филина боятся и уважают, слушают и слушаются. Он – Глава, он навел порядок в лагере, в свое время он лучше всех работал на руднике и теперь имеет полное право не делать ничего, кроме как раздавать приказы и выносить приговоры... Так принято считать – велено. Те, кто не согласен, живут здесь недолго. Оспаривать решение Главы не положено, задавать вопросы – опасно.

Поэтому-то все стоят на жаре под палящим солнцем и слушают никому не нужную речь о заслугах человека, до которого никому из нас не было дела и при его жизни, в том числе и самому Филину.

Тетерев был крупным мрачным мужчиной, мало разговаривал, работал много. Мы прожили с ним бок о бок в одном лагере почти два года, а мне нечего о нем вспомнить. Не думаю, что за это время мы перекинулись с ним хотя бы парой фраз. Друзей у Тетерева не было. Женщины – тоже: он не просил, а никто не изъявлял желания. Даже Кайра, которая «облагодетельствовала» почти все местное население мужского пола.

Если бы меня спросили, кем был Тетерев в прошлой жизни, я бы, пожалуй, ответила: киллером. Равнодушным мастером своего дела – таким я его видела. Но это лишь мои наблюдения, не имеющие под собой никакой доказательной базы. Мое мнение никому не нужно, и так лучше. «Он был хорошим работником» – не самая плохая эпитафия.

Филин все говорит, но я больше не вслушиваюсь. Поднимаю голову и смотрю в небо, которое начинают застилать темные облака – резкая смена погоды на Пандоре не редкость.

Неужели собирается дождь? Не могу припомнить, когда он был в последний раз.

Глава тоже поднимает глаза.

– Даже погода скорбит вместе с нами, – изрекает многозначительно.

Филин умеет говорить, этого у него не отнимешь.

Поднимается ветер. Ежусь и обнимаю голые плечи руками. Изрезав платье с длинными рукавами и превратив его в открытый сарафан, я оставила себе лишь одно на смену. Если дожди затянутся, мне не поздоровится.

Кайра ойкает и ловит руками взлетевшую к лицу широкую юбку. Чиж хохочет и помогает. Стоящий рядом Зяблик с удовольствием рассматривает открывшуюся картину.

– Мы на похоронах! – прикрикивает Филин. – Чиж!

– А чего я-то? – продолжает ржать тот, но под тяжелым взглядом Главы резко замолкает, будто обрубил провода, отталкивает от себя Кайру.
– Держи юбку, дура!

Та и правда держит – двумя руками – и обиженно отворачивается от сожителя. Но для Филина устремляет глаза в землю.

– Кто-нибудь хочет высказаться и почтить память нашего друга? – вопрошает Глава, перестав испепелять Чижю взглядом.

В ответ – молчание.

– Тогда...

Но окончить свою мысль Филин не успевает, потому как в небе появляется огромная тень – приближается и все больше увеличивается в размере.

Тюремщики, как мы их называем, никогда не прилетают в одно и то же время. Вычислить, когда ждать их визит или хотя бы примерный цикл посещений невозможно. Поэтому руда всегда ждет на месте погрузки, а мы узнаем о прибытии только по факту.

– Летят! – ахает рядом Чайка. – Ворон, нам нужно одеяло! – толкает в бок своего мужчину.

Верно, вещи давно не привозили. В прошлый раз была поставка синтетического мяса и круп, значит, теперь можно надеяться на одежду и спальные принадлежности.

Вообще, Тюремщики не балуют нас поставками – привозят редко и минимум. И всегда отдельными партиями: в один раз – еду, которую

мы не можем вырастить сами, в другой – вещи. Медикаменты, подозреваю, – когда вспомнят. Или, может, такое впечатление создается потому, что все постоянно болеют и лекарства заканчиваются в первую очередь. В отличие от Чайки не жажду нового одеяла, но от болеутоляющих я бы не отказалась, так, про запас – учусь быть бережливой.

Но даже если медикаменты придут, они тут же осядут под замком в комнате Совы и будут выдаваться в строго ограниченном количестве и лишь по мере необходимости, определяемой пожилой женщиной лично или непосредственно Главой.

– Идем! – резко командует Филин, мгновенно позабыв об усопшем, и первым устремляется к месту посадки катера Тюремщиков.

Все опрометью бросаются за ним.

широкими спинами.

Пингвин пробрался вперед, притопывает от нетерпения. Наверное, тоже хочет одеяло. Или новую рубашку. В отличие от меня у него не меньше пяти комплектов одежды на каждый сезон. Пингвин – хороший работник, и Глава его поощряет.

Останавливаюсь позади всех и не высываюсь, люблюсь катером. Все это время катер Тюремщиков – главное, что привлекает меня во время их визитов. Сегодня это серебристый остроносый красавец. Не знаю, откуда у меня такая тяга к летательным аппаратам, но душу бы продала за то, чтобы посидеть в кабине пилота.

Возле катера суетятся люди в черной форме и в шлемах – так всегда, мы не видим их лиц. Работает «погрузчик». Ящики с рудой поднимаются силовым полем в воздух и исчезают в грузовом отсеке катера. Один за другим, один за другим.

А на спуске с холма стоит человек с игольником, дуло направлено на нас. Он один, но много стрелков тут и не требуется: Тюремщик достаточно далеко, чтобы успеть среагировать прежде, чем кто-то из обитателей Птицефермы успеет приблизиться; если кто кинет камень – не долетит. Игольник, правда, тоже недалеко бьет, но ведь Тюремщики не стреляют, если не нарваться. Кто же станет убивать рабочую силу без надобности?

Задерживаюсь взглядом на угольно-черном стволе. Я не знаю, как меня зовут, зато мне известно, что дальнобойность этого оружия составляет три метра, за один выстрел игольник выпускает три сотни игл, а если установить режим «очередь», делает четыре выстрела в секунду, перезаряд батареи требуется после пятисот выстрелов, блок питания – снизу и справа, открывается нажатием и давлением в сторону...

В этот момент в рядах заключенных происходит шевеление, все начинают шептаться и с любопытством вытягивают шеи, и я отрываюсь от мыслей об оружии.

А посмотреть и правда есть на что – у нас новенький.

* * *

В последние годы новенькие на Птицеферме появляются все реже. Вряд ли преступников в мире стало меньше, поэтому бытует мнение, что Птицеферма и так переполнена, а новичков отправляют в три других лагеря: к Цветам, Рыбам или Камням.

После меня на Птицеферму еще не привозили никого. И я вытягиваю шею, чтобы рассмотреть вновь прибывшего с не меньшим любопытством, чем другие. О своей высадке мало что помню – слишком волновалась.

Как и меня в свое время, новичка выводят из шлюза с мешком на голове и со скованными руками. Затем наручники снимают, а мешок сдергивают. По рядам проходит вздох разочарования: далеко, но и отсюда видно, что новичок – мужчина. Была бы женщина, местные

«холостяки» уже бы довольно потирали руки и спорили, кому она достанется. Мужчина же вызывает гораздо меньше интереса – гомосексуальные отношения Филином строго воспрещаются.

Но я не ищу себе новый сексуальный объект, поэтому мне по-прежнему интересно.

«Новобранца» грубо толкают в спину, так что он пробегает первые ступени, чтобы не распластаться по трапу, и лишь потом начинает спускаться нормально.

Высокий, худощавый, молодой. Волосы светлые, чуть в рыжину, всклокоченные после мешка, длинные, не до плеч, но длиннее, чем у

всех присутствующих здесь мужчин, – можно спокойно заправлять за уши и при большом желании даже собрать в хвост.

На незнакомце – серая футболка и брюки из той же ткани, точь-в-точь как та тюремная роба, в которой я когда-то пришла в себя в комнате для допросов. Босиком, ботинки в руках.

Тюремщик что-то ему говорит. Тот спокойно кивает, затем садится на нижнюю ступень трапа, обувается и только после этого направляется вниз с холма – к нам. Не бежит, не топчется на месте – просто идет. Вообще ведет себя совершенно спокойно.

Помню, я, как дура, оборачивалась на катер, на котором меня привезли, едва ли не после каждого шага. А этот молодец – крепкие нервы.

Погрузка же тем временем окончена. Из катера спускают два квадратных пластиковых контейнера, вываливают их содержимое прямо на землю. После чего все Тюремщики, спускавшиеся вниз, поднимаются по трапу. Последним уходит тот, что держал нас на мушке. Трап втягивается, ревет двигатели.

Катер взмывает в небо так стремительно, что я отвлекаюсь от разглядывания новичка и провожаю летательный аппарат восхищенным взглядом, пока он не пропадает из виду в серых облаках. Зато остальным не до катера и не до «новобранца», они как по команде срываются с места и мчатся на холм, чтобы поскорее

рассмотреть «дары» Тюремщиков.

– Одеяло! Одеяло! – кричит Чайка Ворону, вырвавшемуся вперед.

Это у нас вместо соревнований: кто прибегает первым, имеет

право
(кроме медикаментов, разумеется).

взять себе то, что хочет

Не трогаюсь с места. Стою, обняв себя руками, и все еще смотрю в хмурое небо. Ветер развеивает подол моего сарафана и волосы, то и дело бросая их мне в лицо. Но я не шевелюсь, не опускаю глаз. Хочу продлить мгновение – ощущение восторга, полета, мощи, силы, скорости. Кем бы я ни была, я любила летать.

А новенький тем временем направляется прямо ко мне. Верно: к кому еще ему идти, если все убежали?

Он правда высокий, выше меня на ладонь. Правильные черты лица, глаза голубые, а ресницы и брови, несмотря на светлые волосы, темные. Кожа ровная, не обветренная, как у местных, без шрамов.

Я засматриваюсь. У меня возникает странное желание дотронуться до его лица: оно настолько не отсюда, что его хочется потрогать, чтобы убедиться, что это не мираж. Даже рука приподнимается.

И лишь в этот момент понимаю, что все так и есть: передо мной человек с другой планеты. Пару недель на Пандоре – и он перестанет отличаться от остальных.

Новичок останавливается буквально в шаге от меня. Тоже смотрит внимательно. Будто чего-то ждет. Чего? Приветственную речь позже прочтет ему Филин.

Прихожу в себя, сжимаю глупую руку в кулак и отшатываюсь – подошел слишком близко. Новенький не двигается, лишь поджимает губы. Видимо, решил, что я испугалась. Но это не страх, это привычка.

– Меня зовут Гагара, – представляюсь только потому, что молчание затягивается, а пристальный взгляд незнакомца начинает нервировать.

– Пересмешник, – отвечает и протягивает в ответ ладонь – поздороваться. У него приятный голос, не противно звонкий, как у Филина, и не грубый бас, как у Пингвина. – С некоторых пор, – добавляет, будто это и так не ясно.

Рука Пересмешника все еще в воздухе.
Качаю головой.

– Здесь так не принято, – говорю.

После чего разворачиваюсь и направляюсь к Птицеферме.
Скоро начнется дождь, а у меня дыра в потолке.

Кайра без стука врывается в мою комнату, когда я переодеваюсь.

– Эй, убогая... – начинает и обрывается.

Стою спиной к двери и как раз натягиваю на себя платье с длинными рукавами и глухим горлом – ветер на улице штормовой, и если я продрогла в низине, то на крыше в сарафане окончательно замерзну.

Торопливо одергиваю подол и оборачиваюсь. Не сразу понимаю, что так удивило Кайру и почему теперь она смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Потом доходит: шрамы. Моя спина весьма живописно исполосована вдоль и поперек.

– Чего тебе? – спрашиваю грубо.

Девушка встряхивается, будто только сейчас вспоминает, зачем пришла.

– Филин объявил сегодняшний день выходным. Вечером будет пир. Сова велела позвать тебя на кухню для подмоги, – объявляет скороговоркой.

Ясно. Крыша подождет. Ослушаюсь Главу – получу еще парочку

«узоров» на своей шкуре.

– Поняла, – отзываюсь. Значит, придется лезть на крышу в темноте. Дождь все еще не пошел, так что, может, пронесет – успею.

А Кайра все еще топчется в дверях, кусает свекольные губы.

– Убогая... – начинает привычно. – Гагара, – вдруг исправляется, и я удивленно приподнимаю брови, – это с того раза? Ну, спина. – А на лице откровенный испуг.

Кажется, до нее только сейчас доходит, что в тот раз она могла оказаться на моем месте. Просто ей повезло и Филин признал виновной меня.

– Передай Сове, что буду через несколько минут, – говорю, игнорируя вопрос и давая понять, что отвечать на него не намерена.

– Убогая, – комментирует мое поведение Кайра. – Так тебе и надо! – И хлопает дверью.

В коридоре слышатся ее быстрые удаляющиеся шаги.

* * *

Возимся на кухне до вечера. Если Филин велел организовать пиршество, то стол должен ломиться.

На кухню согнали половину женского состава Птицефермы – не протолкнуться. Но и уйти нельзя – Сова бдит. Именно ей Глава поручил руководить процессом, и теперь она восседает на высоком табурете в углу и внимательно наблюдает за деятельностью каждой.

Кайре повезло снова: ее Сова отправила из кухни вон, несмотря на то что та сама порывалась участвовать. А меня, Олушу, Чайку, Рисовку и Майну оставила. И отнюдь не на добровольной основе.

Ненавижу готовить. Хотя опытным путем и выяснилось, что умею. Чего не скажешь о Кайре – дни ее дежурства, как правило, заканчиваются несварением желудка для большинства местных жителей. В моем случае – голоданием. Мне хватило одного раза, чтобы больше никогда не есть того, что приготовила Кайра.

Так что Сова поступила мудро, выдворив девушку из кухни прежде, чем она успела что-нибудь пересолить или поджечь.

На улице завывает ветер, засохшее дерево под стеной барака настойчиво бьет в стекло кривыми ветвями – начинается буря. То и дело оборачиваюсь, наблюдая за тем, как за окнами бушует стихия. С крышей нужно что-то думать, но никто не выпустит меня из кухни, пока не закончим. Да и потом – не присутствовать на «пиру» нельзя, Филин воспримет это как неуважение.

– Сова, а в честь чего застолье, Глава сказал? – спрашивает вдруг Чайка. Чайка – болтуня. Пять минут молчания – для нее уже страшная пытка. – Отмечаем новоселье Пересмешника или поминаем Тетерева?

Или празднуем то, что Филин и его подручные пополнили свои шкафы.

Сегодня и правда привезли постельные принадлежности. Пингвин гордо принес в нашу комнату новое одеяло и подушку и в порыве щедрости даже разрешил мне забрать его старые – раньше у меня было лишь шитое заплатками покрывало.

– Праздники нужны для поднятия духа. – Сова пожимает костлявыми плечами. – Так что не все ли равно? Работай, не болтай.

Чайка недовольно закатывает глаза, толкает Олушу локтем в бок.

– Слышала? Все-то ей до лампочки. – И понизив голос: – Старая ведьма.

Олуша осторожно кивает, не понять, согласна или побаивается спорить. Олуша всегда очень осторожна и предпочитает держаться в тени. Маленькая, тоненькая, издалека ее можно спутать с ребенком.

Вот и ведет себя соответствующе – понимает, что такие розги, как те, которые оставили росчерк на моей спине, ее бы убили. Первое время я даже думала, что Олуша немая.

Сова покашливает в кулак. Намекает, что слышала оскорбление? Но Сова тоже осторожна – сурова, а конфликтов старается избегать. Хотя, может, в данном случае понимает, что у Чайки язык как помело, и не воспринимает ее слова всерьез.

На самом деле зря. Я давно заметила, что Чайка не любит Сову и при каждом удобном случае пытается обсудить ее за спиной, пока та не слышит. А Чайка – пара Ворона, правой руки Главы, так что...

– А ты чего встала?! – прикрикивает на меня Сова. – Лишь бы лентяйничать!

Нет, не думаю, что пожилая женщина не осознает, какую опасность может представлять Чайка, поющая по ночам в уши Ворону. Вот и срывает злость на мне. Кричать на меня не опасно – мое мнение последнее, чье станет слушать Глава.

Не отвечаю и принимаюсь за работу.

Жаль, что до возвращения остальных с добычей удалось только найти молоток и гвозди. Была бы порасторопнее, успела бы и на крышу слазить...

* * *

Так много еды у нас бывает нечасто. Никто не знает, когда и что привезут Тюремщики, поэтому запасы провизии расходуются бережно. Только время от времени Филин вдруг объявляет, что пришло время праздника, и все радуются и благодарят Главу за послабление. А Сова достает свой самогон, который варит каким-то мистическим способом из сахарной свеклы для таких особых случаев и держит рецепт в строжайшем секрете.

Застолье, выпивка, танцы и неременный атрибут подобных посиделок – мордобой.

Не думаю, что сегодня все пойдет по другому сценарию, поэтому единственное, чего хочу, это сбежать, слазить на крышу, а потом где-нибудь пересидеть, пока Пингвин не уснет. Всегда стараюсь улизнуть, когда Пингвин пьян. Обычно тот напивается настолько, что наутро и не помнит, была ли я в комнате, когда он засыпал.

Столовая нам досталась от первых поселенцев. Тех самых, которые были или контрабандистами, или наркоторговцами (от кого-то даже слышала версию про рабовладельцев). Огромное помещение с длинными столами, прикрученными к полу и, видимо, не показавшимися никому достаточно ценными, чтобы откручивать их и

пытаться перевозить, стойка вроде барной, отгораживающая общий зал от кухни, в которой также остались несколько столов и шкафы. Жаль, что канализация давно прогнила и не функционирует, краны на месте, но водопровод не работает – носим воду из реки. Благо зимы здесь не слишком суровы и она не замерзает настолько, чтобы не хватило сил пробить лед камнем.

Говорят, после открытия на Пандоре тюрьмы в одну из первых поставок сюда завезли посуду. Люди брали подносы и выстраивались в очередь, получали свою порцию и сами несли ее к месту за столом. Но дешевые пластиковые подносы быстро пришли в негодность, а новых в следующих поставках не было. Поэтому теперь все садятся на свои места и ждут, а дежурные по кухне сами разносят пищу.

Олушу и Рисовку, наших тихонь, Сова пожалела и отпустила, сама тоже ушла, чтобы сесть за стол – как обычно, в самом конце, поближе к выходу, – а меня с Майной и Чайкой поставила на раздачу: каждой по столу. Как назло, мне достался стол Филина.

С трудом дотаскиваю тяжелую горячую кастрюлю из кухни и водружаю ее на подставку на краю стола. Наполняю тарелки, прошу передавать. В помещении стоит гул, кто-то уже неторопливо постукивает ложками.

Действую привычно, мои движения отточены месяцами практики: взять, налить, подать, взять, налить, подать... Я давно не делаю ничего лишнего, не проливаю ни капли, не обжигаюсь и ничего не роняю. В такие моменты кажусь себе роботом.

Взять, налить, подать. Следующий... Но сегодня что-то идет не так – чувствую на себе взгляд. Вскидываю глаза – новенький. Он сидит совсем близко, через два человека, неподалеку от Филина, который красочно расписывает ему все прелести Птицефермы, уверяя, что с прилетом на Пандору жизнь не кончается, да, будет сложно, но вместе мы справимся, и так далее и тому подобное. Пересмешник вроде бы слушает, но при этом смотрит только на меня. Пристально, но не так, как любит посматривать в мою сторону Чиж – раздевая глазами. Этот глядит в лицо или, вернее, разглядывает.

Резко отбиваю его взгляд своим. Не могу же я велеть ему не пялиться – вслух, у всех на глазах? Мне не нравится это повышенное внимание.

Пересмешник отводит взгляд. Так-то лучше.

Заканчиваю, остается последняя тарелка – моя. Ищу свободное место и нахожу единственное – рядом с новеньким, напротив Филина. Как некстати.

К этому времени застолье уже в разгаре, из-за бури на улице окна

закрыты, и по помещению плывет удушающий запах алкоголя.

Беру свою тарелку и прохожу к столу, переступаю через лавку, сажусь. Справа от меня – Олуша. Это хорошо, она не станет болтать, а вот то, что Филин напротив, плохо – не получится улизнуть незамеченной.

Пересмешник вежливо подвигается на скамье, освобождая мне больше места. Я благодарна ему за этот жест, но мужчина все равно слишком близко – чувствую запах шампуня от его волос. Забытый аромат цивилизации. Новенький еще не был на руднике, не пропитался пылью, не смывал пот и грязь дешевым, неприятно пахнущим мылом.

Отодвигаюсь от него как можно дальше. Не могу, не хочу думать о том далеком мире, в котором никому из нас больше нет места, – так только хуже. Иногда меня все еще морально ломает, но я искренне стараюсь – пытаюсь жить здесь и сейчас и не думать, не мечтать о большем.

При слове «мечтать» перед мысленным взором почему-то снова предстает блестящий катер Тюремщиков, красивый, свободный... Не про нашу честь, как любит говорить Чайка.

Хмурюсь и принимаюсь за еду. Пытаюсь оторваться мыслями от несбыточного и вернуться к насущному – мне нужно сбежать и

забраться на крышу, иначе к утру в нашей комнате будет озеро.

Снова чувствую на себе взгляд.

– У тебя все нормально? – спрашивают над ухом.

Вздрагиваю и поднимаю глаза. Пересмешник. Смотрит открыто, даже участливо. Вот что значит первый день на Пандоре.

– У меня все хорошо, – отвечаю сухо.

В его стакане самогон, но запаха алкоголя почему-то не чувствую.

Только аромат шампуня.

* * *

Ужин перерастает в веселье.

Рисовка садится поближе к центру помещения и затягивает песню – у девушки красивый голос. Чиж и Кайра пускаются в пляс, вскоре к ним присоединяются другие.

Все чаще поглядываю на дверь. Сейчас? Филин сидит

вполоборота, в одной руке – стакан с самогоном, любитесь танцами.
Не заметит ли моего отсутствия?

– Иди, я его займу.

– Что? – Мне кажется, я ослышалась. Поворачиваю голову.

Пересмешник смотрит на меня прямо и по-прежнему трезвыми глазами.

– Ну, ты так часто смотришь на выход, – поясняет. На губах легкая улыбка.

Это странно и непривычно. Мне хочется спросить, зачем ему это нужно и что он за это попросит – на Птицеферме редко кто-то что-то делает для другого просто так. Но потом решаю: что бы ни двигало Пересмешником, моментом нужно пользоваться: если управлюсь быстро, скажу, что разболелся живот и провела время в туалете.

Поэтому просто киваю и встаю.

* * *

Быстро в свою комнату. Взять молоток, засыпать в карманы платья гвозди, кусок пластика для «заплатки» – под мышку, в свободную

руку – фонарь.

На крышу есть люк, в потолке, прямо из коридора. Лестница из металлических скоб. Когда-то на люке был электронный замок, теперь – шпингалет.

Зажимаю фонарик в зубах, сбрасываю неудобные ботинки – в них только убиться, – и босиком взбираюсь по лестнице. Дергаю шпингалет. Не поддается. Видимо, Чиж, который недавно чинил крышу над своей комнатой, задвинул его слишком сильно.

Матерюсь минут десять и уже почти выбиваюсь из сил, когда наконец справляюсь с задачей. Что ж, вернуться быстро не получится.

Люк открывается и тут же вырывается из моих пальцев, с грохотом врезаясь в поверхность крыши – ветер страшный. Несколько минут стою на верхней ступени, прислушиваясь, но никто не бежит, чтобы проверить, откуда шум. Все заняты песнями, танцами и выпивкой – хорошо.

Выглядываю. Дожда еще нет, так, легкая морось. Но на крыше уже скользко и мокро. Она покатая, неудобная и опасная.

Выдыхаю, как перед прыжком в холодную воду, и выбираюсь

наружу.

Так, главное не смотреть вниз. От выхода на крышу до нашей спальни всего ничего, должно получиться.

Передвигаюсь по водостоку на краю крыши приставными шагами, животом прижимаюсь к мокрой холодной черепице. Платье мгновенно впитывает влагу. Ноги дрожат. Волосы я благоразумно стянула в тугий пучок на затылке, а вот подол платья развевается на ветру, бьет по икрам, путается между ног. Завязать бы его на поясе... Но для этого нужно положить молоток, а если уроню его, вся эта вылазка окажется напрасной. Поэтому не рискую.

Почти ползком добираюсь до нужного места. Вот она, дыра насквозь. Приложить кусок и прибить – задача, с которой справится и ребенок. Ровно и красиво мне не надо, главное – крепко.

Однако изначальный прогноз всегда излишне оптимистичен, и моя возня затягивается не меньше чем на полчаса. Или это субъективно и на самом деле прошло не так много времени? Ветер воет, дождь усиливается. Я уже мокрая насквозь.

В какой-то момент молоток таки вырывается из скользких от воды пальцев и летит вниз. Пытаюсь поймать, даже, кажется, успеваю

коснуться его рукояти, но тут поскальзываюсь сама.

Короткий полет и удар.
Темнота.

Глава 4

глаз.

Короткий полет и удар, выбивший воздух из легких.

Вспышка боли, на мгновение парализовавшая все тело, слезы из

Потом – темнота. Но не спасительная, приносящая забытие –

другая.

Нет, это не темнота, это черный фон.

...Эй, Янтарная...
Прием...

Буквы. Белые на черном. Вспыхивают красным, а затем ложатся ровными белыми строками – печатный текст.

...Предупреждаю, я сейчас запаникую и начну тебе звонить...
Я нервный, ты в курсе...

Звонить? На Птицеферме нет техники, нельзя никому звонить...

На все том же черном фоне мигает курсор и выходит системная надпись:
«Собеседник печатает Вам сообщение».

Звонок, сообщение... Нет, это не здесь, не отсюда. Но как же сложно понять и вспомнить – откуда, когда.

...Янтарная, считаю до пяти, а если ты не отвечаешь, то звоню и бужу твою соседку...

«Собеседник печатает Вам сообщение», «Собеседник... печатает...»

...Пя-а-а-а-а-а-ать...
Четыре...

Три...

Не понимаю. Хочу понять.

Все мое сознание тянется, рвется к невидимому счетоводу. Тяжело и больно, словно продираешься через кисель, с кандалами на ногах и в железном обруче, сдавившем голову. Каждый шаг – боль. Впереди – ничто, лишь черный экран.

...Ты сдурел? Я попить отходила.
О, жива!

Балбес...

Балбес... На это слово что-то отзывается внутри. Из зоны солнечного сплетения поднимается волна непонятных мне, но очень сильных чувств. Нет, не волна – лавина. И я понимаю: «балбес» не ругательство и не оскорбление. В этом слове – нежность, улыбка и запах хвои.

Почему хвои?!

Напрягаюсь, пытаюсь пробиться через заслон из черного киселя. И тут же получаю отдачу: вспышка боли оглушительная, дезориентирующая, разрывающая голову надвое.

Черный экран идет трещинами, из которых льется ослепляющий свет, бьет по глазам. Кусочки «мозаики» расходятся, расплываются, на миг повисают в воздухе – и осыпаются с шелестом, будто кто-то швырнул на пол кипу бумаг.

..Моя ладонь в чьей-то руке. Рука мужская, пальцы длинные,
тонкие, но все равно крупнее моих. Аккуратные, коротко стриженные
ногти. Свежий ожог на безымянном пальце и мизинце с внутренней
стороны ладони.

Нет, это не Он держит меня за руку, а я Его. Верчу пораненную
кисть, рассматриваю.

– Я всегда говорила, что ты балбес, – произношу со вздохом. Не
слышу свой голос, но точно знаю, что это говорю я. Слова просто
появляются в голове – как мысли. – А если бы руку оторвало?

– Брось, Янтарная. Всего лишь ожог...

А это не моя, чужая реплика. В ней – тепло и беззлобная
насмешка. Однако сжимаю губы в прямую линию – злюсь?

– ...Не делай такое лицо, я живее всех живых.
Не злюсь – испугалась.

– Попробовал бы умереть, – фыркаю, пряча истинные чувства.

Чего-то боюсь.

– Я же говорил, что ты меня любишь, – беззаботно смеется
собеседник в ответ.

Не вижу его лица, не слышу голоса. Перед глазами лишь
обожженная ладонь. Все еще бережно держу ее, касаясь тыльной
стороны кончиками пальцев, чтобы не причинить новой боли.

– Не лести себе, – огрызаюсь. – Пошли, герой, тебя нужно сдать
медикам.

– Насовсем?

– На опыты!

В ответ снова смех. Сначала приятный, а затем обрастающий эхом
и превращающийся в гром, сотрясающий все мое
тело...

Вспышка света.

Картинка разбивается вдребезги и разлетается на куски, бьет
обломками по лицу.

Пытаюсь отвернуться, защитить глаза. Выставляю вперед руки, но
острые осколки проходят сквозь них и больно впиваются в кожу, а мои
руки хватают лишь пустоту.

Падаю. Снова и снова.
Падаю.

* * *

Прихожу в себя от холода.

Я в воде. Лежу на спине, вытянув руки по швам, а по мне течет вода. Она повсюду: снизу мое тело омывает целый ручей, сверху впивается ледяными иглами дождь. На моем лице горячие слезы и холодные капли, но слезы быстро остывают и смешиваются с дождем, стекают струями по щекам, забивают рот и нос. Трудно дышать.

Судорожно хватаю ртом воздух, как будто только что вынырнула с глубины. Пытаюсь рывком подняться и сесть, но вместо этого получается лишь перекатиться на живот да успеть подставить руки, чтобы не упасть лицом в холодную жижу.

Поднимаюсь с трудом. Тело одеревенело, не слушается.

Наконец удается встать на четвереньки. Дождь продолжает лить, застилая глаза. Провожу рукой по лицу, убирая воду, а затем оставляю ладонь козырьком у лба. Вокруг темно, но из окон барака льется мягкий свет. Внутри строения мелькают тени, слышны громкие голоса, смех, чья-то заунывная песня, не соответствующая взрыву на миг заглушившего ее хохота.

Часов у меня нет, но, судя по тому, что праздник еще в разгаре, а солнечные батареи не разрядились и лампы светят по-прежнему ярко, прошло не так много времени. Хотя по ощущениям – целая вечность.

Отплевываюсь от неприятной на вкус воды и заставляю себя подняться на ноги. Сгибаю и разгибаю руки – тоже целы. Боли нет, во всяком случае острой. Только в голове стоит звон.

...Янтарная...

Словно шепот, шелест в голове.

В этот момент спазм сводит желудок, и я успеваю разве что шагнуть на непослушных ногах к ближайшему кусту и согнуться под ним пополам. Меня выворачивает. Потом еще и еще.

Перед глазами все плывет, и какая-то часть меня, еще способная соображать, отдает себе отчет в том, что, видимо, я заполучила сотрясение мозга после падения. Другая часть меня мечтает лечь, здесь, под холодным дождем, и сдохнуть.

– Эй, кто там допился? – доносится до меня чей-то голос. Из-за головной боли и шума дождя не сразу могу его идентифицировать.

Вскидываю глаза, одновременно вытирая губы тыльной стороной

ладони: ко мне пьяной походкой направляется Чиж, на ходу застегивая ширинку. Вода течет по его лицу и почему-то обнаженному торсу, но это соседа ничуть не смущает. Он вообще выглядит как довольный кот, обожравшийся сливкам.

– Какая встреча! – раскрывает объятия. – Кажется... ик... я поторопился надевать штаны. – И шагает ко мне, вытягивая губы в трубочку.

Выворачиваюсь и с силой бью его в плечо, отталкивая, но меня все равно успевают обдуть запахом перегара.

Чиж, не удержав равновесие, садится прямо в лужу.

Бегу к крыльцу – откуда только силы взялись? Холодная жижа хлюпает под ногами, икры обдает ледяными брызгами.

– Убью суку! – орет Чиж мне вслед, силясь подняться и оседая вновь.

Оборачиваюсь только уже на верхней ступени крыльца. Но вид барахтающегося в грязи человека не вызывает у меня сочувствия.

– Убью и трахну! – продолжает угрожать тот.

Скрываюсь в бараке. Захлопнувшаяся дверь отрезает от меня поток ругательств и обещаний.

– Нет, сначала трахну! Потом убь...

Опускаю засов на двери – пусть охладится. Рано или поздно кто-нибудь услышит его вопли и впустит внутрь. Или тоже пойдет по нужде и откроет дверь.

* * *

Фонарик остался валяться где-то в грязи на месте моего падения, ботинки – у люка. Так что бреду на ощупь по темным коридорам босиком и, должно быть, оставляя живописные следы на полу.

Вваливаюсь в свою комнату и стекаю спиной по двери. Остаюсь на полу, уткнувшись лицом в колени, обтянутые мокрым насквозь подолом платья.

Меня запоздало начинает трясти, но не от того, что я чуть не разбилась, а от того, что увидела после.

Это ведь не галлюцинация, правда? Это воспоминания?

Янтарная – это я?

Что это? Прозвище? Фамилия, имя или производное от них?

Но, как ни напрягаюсь, в голове только серый туман да привязавшийся запах хвои. На Пандоре нет хвойных деревьев. Здесь вообще почти нет деревьев, а те, что есть, кривые, разошедшиеся, с мелкими листочками.

Нет, этот запах не отсюда. Как и Янтарная.

Откидываю голову на дверь и сижу с закрытыми глазами, силясь восстановить тяжелое дыхание.

В какой-то момент мне чудится, что сквозь прикрытые веки проникает свет. Яркий, не такой, как от фонаря с солнечной батареей.

Резко распахиваю глаза, но вокруг темно. Только запах влаги, витающий в помещении, да шум дождя за распахнутым настеем окном. Показалось...

Заставляю себя подняться и дойти до стола, на котором стоит лампа, такая же, как и все здесь, – на солнечной батарее. Забудешь зарядить – пиши пропало. А зарядишь – расходишь бережно на случай, если солнечных дней долго не будет.

Щелкаю клавишей, и комната озаряется тусклым оранжевым светом. Осматриваюсь: по стене под трещиной в потолке стекает тонкая струйка воды, образуя небольшую лужицу на полу. Из разлома в пластике появляются новые капли, медленно набухают, а потом срываются вниз.

Некоторое время стою и как замороженная смотрю на танец капель. Потом отмираю, беру на столе чашку и ставлю на пол под течь, рядом бросаю тряпку. Все-таки я почти успела заделать дыру. Если бы не полезла, сейчас комната уже превратилась бы в бассейн.

Мне бы вернуться в столовую, чтобы показаться Филину на глаза и избежать проблем в дальнейшем. Но у меня абсолютно нет на это моральных сил.

Кое-как смываю с себя грязь водой, оставшейся в тазу после утреннего умывания. С волосами ничего не поделаешь, поэтому лишь расчесываю пальцами, чтобы убедиться, что в них не осталось комков грязи или веток, а затем снова закручиваю в тугую шишку на затылке. Зеркала нет, так что только надеюсь, что смыла с себя все потеки грязи, оставшиеся после купания в луже. Потом переодеваюсь в свой открытый сарафан – прохладно, но не хочу в темноте доставать зимние вещи со дна шкафа.

Нужно забрать ботинки и закрыть крышку люка.

Подхватываю со стола лампу и выхожу в коридор. Тут теплее, чем в комнате с открытым окном, но душно, и, несмотря на удаленность от столовой, воздух пропитан алкогольными парами. Сегодня Филин расщедрился не на шутку – обычно подобные мероприятия прекращаются гораздо раньше, чтобы не истратить весь самогон за один вечер. Похоже, в ближайшие дни Сова будет освобождена от стирки, готовки и работы на огороде ради восполнения запасов спиртного.

...Янтарная...

Снова этот шепот в голове. Или шелест?

Меня шатает, голова кружится. Приходится привалиться плечом к прохладной стене и переводить дыхание.

Кто ты, Янтарная? Вернее, кем ты была? Потому что в том, что Янтарной называли меня, я не сомневаюсь.

Снова пытаюсь вспомнить, но только сильнее начинает болеть голова. Прижимаю ладонь тыльной стороной ко лбу.

Нет, это определенно работает не так: только напрягаешься, как шепот, наоборот, исчезает, а перед глазами все плывет, зато стоит отвлечься, как голос в моей голове снова оживает.

..Никогда не поздно попытать удачу...
Ты в полете...

А теперь не понимаю, голоса ли это или снова переписка. Шелест-шепот в голове. Но при этом тепло где-то под грудью – некоторые считают, что именно там обретается душа, – человек, который называл меня Янтарной в видении, много для меня значил. Друг, брат, муж?

Но память снова закрыта. Только если раньше она представлялась мне девственно-чистым белым листом, то теперь – непроходимым болотом, окутанным серым туманом.

Наконец нахожу в себе силы оторваться от стены и продолжить путь. Не рухнуть бы...

Заворачиваю за угол и улавливаю какой-то странный звук – не то стон, не то писк. Прислушиваюсь: похоже на писк. Мыши? Сколько живу на Пандоре, не видела здесь животных. Из живности у нас какое-то время были только тараканы, но и те приехали с одной из поставок.

Уже собираюсь идти дальше, решив, что это все-таки мышь, как та вдруг громко сморкается – совершенно точно по-человечески. А затем вновь возвращается писк. Однако теперь я понимаю, что это не писк, а жалобный плач.

Мало ли на Птицеферме причин, чтобы плакать? Думаю, у каждого найдется с десяток. И лезть в них... Мы все здесь вынужденные пленники – не друзья. Поэтому разумнее было бы пройти мимо...

Но я уже оказалась не в том месте и не в то время и уйти не могу. Полагаю, коридор у люка уже и так затопило водой, хуже за несколько минут не станет. И я заворачиваю в прилегающий коридор, откуда доносится плач.

Этот коридор заканчивается тупиком. Раньше тут было окно, но его давно выбили, а затем залатали двумя кусками пластика, прибив их к раме крест-накрест. А подоконник остался. На этом подоконнике и сидит тот, кого я сперва приняла за мышь. Кто-то очень маленький, сжавшийся в комок, обнявший тощие колени руками и спрятавший в них лицо.

– Олуша?

Можно было бы ошибиться, но на Птицеферме таких габаритов больше нет ни у кого.

Девушка испуганно вздрагивает, вскидывает заплаканное лицо.

– Кто здесь? – Как всегда, тихо, тоненьким голосом, который и правда похож на мышиный писк.

Верно, у меня лампа в вытянутой руке – Олуше слепит глаза и она не может меня рассмотреть.

Приглушаю свет еще сильнее, поставив на минимум, и подхожу ближе.

– Это я.

– Гагара, – вздыхает девушка и отворачивается. Обнимает тощие плечи. – Уходи.

Я сказала бы так же.

Поэтому спрашиваю прямо, без лишних предисловий:

– Помощь нужна?

Лишние разговоры – это по части Чайки и Кайры. А мне бы не вмешиваться. Только, когда услышала плач, я уже вмешалась.

– Мне никто не поможет. – Горько, с надрывом, обреченно. А потом новый поток слез.

Я не психотерапевт, а соседний коридор заливает через люк дождь, и, кажется, у меня все же сотрясение. Иначе почему меня все

еще поташнивает, а перед глазами плывет полупрозрачное нечто, напоминающее микроорганизмы под стеклом микроскопа?

Так что разворачиваюсь, чтобы уйти. Однако не успеваю.

– Филин отдал меня Момоту! – догоняет меня то ли крик, то ли стон.

Оборачиваюсь.

– Seriously? С чего вдруг?

Олуша уже больше года, с тех пор как в шахте погиб ее прошлый сожитель, живет с Куликом. Кулик – спокойный беззлобный парень, они неплохо ладят. А Момот...

Момот – крупный (даже очень крупный) сорокалетний мужик, которому крохотная Олуша годится в дочери как по возрасту, так и по внешнему виду. Раньше он в паре с Тетеревом приводил в исполнение приговоры Филина. Только если Тетерев делал все равнодушно и по приказу, то Момот – с наслаждением и особым смаком. Момот – садист и не считает нужным этого скрывать. Местные женщины его тоже избегают, а те, кто имел с ним дело, говорят, что в постели он не менее жесток, чем в повседневной жизни.

Олуша всхлипывает.

– Они устроили соревнование. Боролись на руках. Момот победил Кулика, и Филин сказал, что в награду я теперь принадлежу ему. А такие хилые, как Кулик, должны больше стараться, – выпаливает все это на одном дыхании. Как только не задыхается?

Поджимаю губы.

Ничего удивительного. Женщин на Птицеферме значительно меньше. Те, что находятся в парах, все равно обласкивают своим вниманием одиноких мужчин, и это всячески поощряется Главой, хотя и носит все же добровольный, а не обязательный характер. Тем не менее время от времени кто-нибудь из «холостяков» начинает качать права и тыкать в кого-нибудь пальцем и вопрошая: «А чем он лучше меня?» И тогда Филин устраивает соревнования. Обычно это кулачный бой. А сегодня, значит, армрестлинг.

Бред – Кулик вдвое легче и тоньше Момота. Устраивать такое противостояние даже не смешно.

– Он вывихнул ему руку, – в подтверждение моих мрачных мыслей плачет Олуша.

Выходит, девушка не только боится Момота, но и равнодушна к Кулику.

Но слово Филина на Птицеферме – закон. Со смертью Тетерева Момот – теперь главный палач. Глава его ценит и решил поощрить. Неудивительно.

И да, Олуша права: ей никто не поможет. Решения Филина
обжалованию не подлежат.

– Сочувствую. – Это все, что могу сказать.

– Я бою-усь... – И Олуша начинает рыдать навзрыд.

Мы не подруги. Вообще разве что парой фраз обмолвились за все это время. И я правда всерьез считала девушку немой в первые полгода своего пребывания здесь. Но сейчас мне ее искренне жаль. И помочь не могу. Ничем.

– Что бы... А что бы ты сделала на моем месте? – Олуша вдруг вскидывает на меня опухшие от слез и лихорадочно блестящие в полумраке глаза. – Что бы сделала?

Пингвин не Момот. Он не отличается особой жестокостью. Да и жестокостью в принципе. Если не сопротивляться. Но разве я хотела с ним жить? Разве хочу? Не я ли давлюсь глупыми слезами и бегу мыться каждый раз после того, как он меня касается?

– Я и на своем месте ничего не сделала, – отвечаю.

Глава 5

Пингвин так и не приходит ночевать, и я в кои-то веки ложусь спать
в кровати. Обычно предпочитаю спать на полу – отдельно.

Но сегодня мягкая кровать, по сравнению с напольным пластиком, не способствует крепкому сну. Всю ночь ворочаюсь с боку на бок. Меня
преследуют сны – странные сны.

Сначала все почти безобидно: мне снится рыжеволосая девушка, мы с ней гуляем по какому-то зеленому городу, смеемся, едим мороженое. Я даже откуда-то знаю ее имя – Джилл. И Джилл – моя подруга, смешная и открытая. Мне хорошо в ее обществе.

Сон легкий и приятный, я почти расслабляюсь, когда ему на смену приходит
другой.

...Я голая. Но нахожусь не в ванной, и не в спальне, и даже не в постели с мужчиной. Я на улице, в толпе таких же голых людей.

Шум, гомон голосов. Головы прохожих, повернутые в нашу сторону. Мальчик с огромными голубыми глазами показывает на нас пальцем и тянет мать за руку...

А я не стесняюсь своей наготы. Мне весело, мне легко. И вместо того, чтобы спрятаться или прикрыться, запрыгиваю на крышу припаркованного у обочины флайера и что-то кричу, размахивая руками.

Другие обнаженные люди подбадривают меня снизу. Среди них все та же Джилл, с которой мы ели мороженое в прошлом сне. Но она другая, совсем юная, с острыми выпирающими ключицами и яркими веснушками на носу. Она тоже без одежды – лишь зеленые лоскутки в области сосков и между ног.

Опускаю взгляд на себя и понимаю, что такие же прикрывающие кусочки приклеены и к моему телу, но они настолько невесомы, что совершенно их не чувствую.

А потом кто-то стаскивает меня с крыши транспортного средства. Вижу руку в черной перчатке и пальцы, как гвозди впивающиеся в мою кожу на запястье и оставляющие красные отметины.

Бег, погоня, прерывистое дыхание. Босые ноги, изрезанные осколками битого стекла.

И следующая картинка: одна из дверей, мимо которых я бегу, открывается, и мое запястье снова обхватывают чужие пальцы. Но они другие, не те, что в перчатках, эти теплые, держат крепко, но не больно, затаскивают внутрь.

Хлопает дверь, и я оказываюсь практически прижата к парню в светлой футболке. Не вижу лица – он слишком близко, и мой взгляд почему-то устремлен ему в шею.

– Придурок, руки убрал! – шиплю и вырываюсь.

Но эта эмоция лишь напоказ. Мне не страшно, и я не злюсь – мне весело и хочется хохотать.

Отступаю и вскидываю глаза на молодого человека, гостьей которого внезапно оказалась. У него красивое тело, и я почти успеваю взглянуть в его лицо, как картинка осыпается мириадами серебряных звезд...

Кто-то истошно кричит, и я подсакиваю на кровати.

Сердце колотится как сумасшедшее. Крики, голые люди... Мне требуется не меньше минуты, чтобы понять, где обрывается сон и начинается реальность.

А потом крик повторяется, и уже не вызывает сомнений: я на Птицеферме, лагере заключенных на планете-тюрьме Пандоре, и здесь только что случилось что-то плохое.

* * *

Мне бы полежать в тишине, с закрытыми глазами и прокрутить в голове сон-воспоминание, все взвесить и обдумать. Но нельзя.

Вскакиваю с кровати, второпях натягиваю на себя сарафан, скручиваю волосы на затылке и ныряю в ботинки. Мчусь на улицу.

Голова еще немного кружится после вчерашнего падения, но не так сильно – я ожидала худшего.

Однако думаю сейчас не о себе. Сердце сжимается от дурного предчувствия – так не кричат из-за ерунды. Случилось что-то по-настоящему страшное.

Из комнат в коридор вываливают другие жители Птицефермы.

– Что случилось? Горим? – Из-за одной из дверей выглядывает Чайка и хватает меня за запястье как первую попавшуюся.

...Пальцы в черных перчатках на моей коже...

Другие, теплые, затаскивающие меня в помещение и спасающие от преследования...

Трясу головой, пытаюсь выбить из нее видения прошедшей ночи, – не сейчас, не время. В ответ на резкое движение голова отзывается тупой болью.

– Не знаю, – выдыхаю. – Я тоже только что услышала.

– Тьфу ты! – ругается Чайка и выпускает мою руку с таким видом, будто потрогала нечто отвратительное.

Мы с Чайкой не слишком-то ладим. Она подруга Кайры, с которой мы враждуем с самого первого дня моего пребывания здесь. Если бы не жажда информации, Чайка со мной не заговорила бы. А я, пожалуй, и не ответила бы. Но сейчас мы все напуганы.

Горим... Судя по крику, очень похоже – если кто-то горит заживо. В толпе других выбегаю на улицу. Большинство уже здесь:

столпились у зарослей кустов на углу барака, как раз там, где меня вчера тошнило.

Кто-то нашел мои молоток и фонарик?
Но от этого же так не кричат...

Жители Птицефермы стоят плотно, образуя полукруги несколькими рядами. Те, кто подошел недавно, вытягивают шеи, пытаются рассмотреть, что же там, в центре первого полукруга, делятся предположениями:

- Что там?
- Не видать.
- Помер кто, что ли...
- Ну точно, лежит.
- Кто? Кто?
- Да не видно же.

Останавливаюсь позади всех и тоже ничего не вижу, только слышу версии.

Кто-то погиб?

Моментально вспоминаю о том, что Пингвин не пришел ночевать в комнату. А если это он? С ним что-то случилось?

В моем сердце тут же вспыхивает надежда на то, что так оно и есть, и я до боли прикусываю губу от отвращения к самой себе.

В отличие от меня Чайку задний ряд не устраивает, и она пытается пробиться вперед. Прочищает себе дорогу локтями, получает тычок в бок от Зяблика. Покрывает его трехэтажным матом.

А в следующий миг Зяблик уже сам отскакивает в сторону, пропуская – потому что Чайку догоняет ее сожитель, Ворон, правая рука Главы.

- Да я что... я случайно, – бубнит Зяблик.

Но Ворон лишь одаривает его тяжелым взглядом и протискивается в образовавшийся узкий проход. Чайка кидается за ним с видом императрицы, которой только что обеспечили эскорт.

Не теряя времени, пользуюсь моментом и проскальзываю за ними. Краем глаза замечаю в толпе Пингвина – живехонек. Хмурит брови, губы поджаты – ему-то, с высоты его роста, прекрасно видно,

что происходит впереди.

А через пару секунд становится видно и мне.

Филин уже здесь, в ближнем круге. Стоит, подперев кулаком подбородок, и смотрит на землю. Вид у него потрепанный: волосы спутаны, помятое от недосыпа лицо – неудивительно, учитывая то, сколько он вчера должен был выпить.

Но интересует меня не Глава, а тот, кто лежит перед ним. Возле кого на коленях стоит Кайра. Девушка запустила обе руки себе в волосы и раскачивается из стороны в сторону, тем самым перекрывая

обзор,
темных штанах.

и я вижу лишь ноги в

Неужели я вчера ушла, заперев дверь, а он захлебнулся, так как
был пьян?..

Кайра снова испускает протяжный вой. Именно вой – как раненое
животное.

Филин морщится, но позволяет кричать и дальше. Сострадает или
думает, что такой сиреной созвать людей будет проще и быстрее?

– Пустите наконец! – слышу бурчание за спиной и торопливо
отступаю, пропуская Сову, одной рукой опирающуюся на клюку,
а второй – расталкивающую зевак.

Верно, Сова хоть что-то понимает в медицинской помощи. Только
не думаю, что она понадобится – над живыми так не воют. Да и Филин
не дурак: не стоял бы спокойно, если бы лежащий на земле был еще
жив. Глава безжалостно казнит осужденных (правда, им же), но просто
так никого не обрекает на смерть.

– Не ори, дура! – рявкает Сова, и Кайра осекается на середине
ноты. – Отойди, глупая.

Девушка слушается. Но не встает, а, все так же на коленях, делает
два приставных шага в сторону и остается там.

Теперь обзор открыт. Несмотря на то что я уже поняла, кого
увидю на земле, того, в каком виде будет Чиж, не ожидала. Он в одних
штанах и с голым торсом, то есть одет так же, как вчера, когда мы
столкнулись на этом самом месте. Лежит на животе, голова повернута
набок. Глаза удивленно распахнуты, рот приоткрыт. А из его затылка
торчит... мой молоток. Носок молотка пробил череп, и головка вошла
внутри до самого клина.

Судорожно сглатываю. В том, что молоток мой, не сомневаюсь ни
на миг – вот он, след от красной
краски на рукояти.

Сова, кряхтя, опускается рядом с телом. Щупает пульс, морщится.

– Готов, – сообщает сухо то, что видно и так. Опирается на клюку,
выпрямляется и отступает. – Можно убирать.

– Как убирать?! – взвизгивает Кайра. – Куда?! Нужно
расследование! Нужно... – А потом сгибается, закрывает лицо
ладонями и рыдает, громко, с подвыванием.

А ведь мне вчера показалось, что я видела луч фонаря,
мелькнувший за окном. Как раз через несколько минут после того, как
я оставила Чиж на улице. Но свет был слишком ярким для фонаря на

солнечной батарее. А этого не может быть, других источников освещения на Птицеферме нет.

Люди продолжают переговариваться, Кайра – выть. Но все мгновенно смолкают, стоит Филину сойти с места. Тот ничего не говорит, только выходит вперед, загородив собой от остальных тело Чиж. Всего пара шагов, а все жители Птицефермы замолкают и смотрят на своего Главу, затаив дыхание.

Филин не спешит, оглядывает собравшихся, хмурится.

Мне кажется, он сам не знает, что сказать, кого обвинить, поэтому тянет время. Пытается определить преступника по бегающим глазкам.

Самонадеянно, учитывая, что все здесь – преступники. Даже хромая Сова. Даже кроткая маленькая Олуша.

Наконец Глава разлепляет тонкие губы:

– Кто-нибудь хочет признаться?
Ответом ему служит молчание.

– Кто-нибудь хочет дать показания?

Я могла бы. Сказать, что это я потеряла на улице молоток, когда свалилась с крыши. Что видела яркий свет за окном.

Но кто мне поверит? Мое слово против мертвого тела, которое уже не заговорит. Как доказать, что, когда я уходила, Чиж был жив?

Ответ: никто и никак. Поэтому молчу вместе с другими. Может, пронесет?

Не пронесло.

– Да это же она! – Кайра вскакивает на ноги с ловкостью газели и едва ли не упирает обвиняющий перст мне в грудь. – Она всегда его ненавидела и завидовала мне! Я своими глазами видела, как она ушла с праздника в самом начале. А потом не вернулась. Поджидала его тут, готовилась!

За кустом, под проливным дождем? Кайра считает меня больной?

Если бы мне вздумалось убить Чижа, да еще и без попыток спрятать тело и улики, то можно было бы попросту сделать вид, что я готова с ним переспать, а когда он бы отвлекся, спокойно и без шума перерезать горло. Да мало ли способов убить человека, который живет в соседней комнате, без необходимости поджидать его в кустах? Ночью. В ливень.

Обвинение, основанное лишь на том, что меня не было на празднике, кажется мне настолько нелепым, что даже не беспокоюсь. Пока не выяснится, что кто-то видел меня с молотком, опасности нет.

Тем не менее взгляд-прицел Филина перемещается на меня. И он не предвещает ничего хорошего.

– Seriously? – срывается с моих губ.

Больше я ничего спросить не успеваю, потому как Глава бьет наотмашь. По лицу. Так резко и с такой силой, что падаю на колени в лужу. Прямо под ноги Филину.

..Туман. Холодно и влажно. Под ногами чавкает грязевая жижа.

Где-то вдали воеет сирена, лают собаки.

Оступаю, падаю плашмя – животом прямо в разбитую тяжелыми ботинками грязь. И понимаю: подняться не смогу, сил нет.

– Что?! Сдулась?! – Вижу лишь армейские ботинки на толстой подошве и серые брючины. – Встать, стажер! Если ты сейчас не встанешь, завтра же поедешь к мамочке печь пироги!

Приподнимаюсь на руках и тут же падаю обратно – руки дрожат.

Снова пытаюсь и получаю пощечину, болезненную, хлесткую.

И рык над головой:

– Встать! Стажер!

И я и вправду встаю.

– Да пошел ты, – огрызаюсь.
Бегу...

– Говори! Это ты убила Чиж?! – как и тогда, грохочет рык над моей головой.

И я, как тогда, поднимаюсь. Вытираю кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони. Только «пошел ты» произношу лишь мысленно – сейчас не тренировочный бой, и меня не исключат, отправив «к мамочке печь пироги», а порешат на полном серьезе.

– Не я, – отвечаю.

Стараюсь не смотреть в глаза Главе. Уже знаю, он это не любит и воспринимает не иначе как вызов.

– Говори, где ты была вчера, когда ушла с праздника, – велит

Филин. Но больше не бьет.

А мне очень хочется его ударить. Ребром ладони в кадык. Или в промежность – коленом снизу, чтобы согнулся вдвое, а затем добавить все тем же коленом, но в переносицу...

Чинила крышу – правдивый и, казалось бы, безопасный ответ. Но он потерял свою безопасность, когда мой молоток оказался в черепе Чижа.

Еще я разговаривала с Олушей. Дольше чем следовало. И не следовало вообще. Как раз в то время, когда убийца подобрал мой молоток...

Олуша здесь, тоже в первом ряду. Вернее, была. Потому что, стоит мне посмотреть в ее сторону, она пятится и прячется за спиной Кулика.

Вот как.
Ясно.

– У меня болела голова. Я лежала в комнате, – вру, так как моя правда никому здесь не нужна.

Люди жаждут возмездия, казни виновного. И задача Главы – дать его им. А отдать того, кого ему не жалко, – меньшее из зол. Кому нужны настоящие расследования, когда можно быстро и эффектно утолить жажду мести?

Пару минут Филин раздумывает над моими словами, потом кивает кому-то над моей головой.

– Пошли. – Большая крепкая ладонь подхватывает меня под локоть и тащит к бараку. Люди расступаются.

Поворачиваю голову: Ибис, второй помощник Главы. У Ворона еще бывает свое мнение, а у этого точка зрения всегда одна – филиновская.

Ибис увлекает меня к бараку; еле поспеваю. Остальные тянутся за нами длинной вереницей.

Вижу Олушу, которая намеренно отстает от процессии, пытаюсь затеряться в толпе. Она боится, что я расскажу о нашем с ней разговоре, призову ее в свидетели, а значит, привлеку к ней внимание.

Отвожу глаза – если бы Олуша хотела высказаться в мою защиту, она бы это сделала.

А еще я замечаю новичка, Пересмешника. Он не бежит с остальными, а стоит чуть в стороне. Но тоже смотрит на меня.

Серьезным, тяжелым взглядом. Однако его немой посыл мне непонятен – не прочесть.

Должно быть, Пересмешник тоже уверен, что это я убила Чижю. Ведь я уходила из столовой на его глазах. И он видел, что я собиралась уйти и искала удобный момент – значит, что-то планировала.

* * *

– Вот! – Ибис выпускает мою уже покрасневшую от его мертвой хватки руку лишь в нашей с Пингвином комнате, и то только для того, чтобы схватить со стула грязное после вчерашнего падения платье. – Вот она! Улика!

Естественно, у меня не было времени постирать одежду, и я повесила платье на спинку стула, чтобы немного просохло и не сгнило

до стирки.

В комнате тесно. Душно, несмотря на открытое окно. Еще никогда в этом помещении не собиралось столько народу. Все желающие даже не поместились – остались в коридоре, но поблизости в надежде ничего не пропустить.

Филин забирает у Ибиса платье. Берет за плечи, расправляет и держит перед собой на вытянутых руках. Платье сплошь в грязевых разводах. С первого взгляда видно, что его не просто носили под дождем – в нем валялись в луже.

Что ж, отличная версия: сначала мы с Чижом боролись, а потом я зарубила его молотком.

Нет, рубят топором. А молотком стучат. Застучала? Тоже нет: стучат бойком, а не носком..

Понимаю, что у меня начинается истерика. Еле сдерживаю рвущийся наружу неконтролируемый смех. Меня же порешили. Уже порешили. Что бы я ни сказала, какие бы аргументы в свою защиту ни привела, все уже решено. Меня уже, считай, нет.

А я могла бы сказать так много. Что мне не хватило бы силы ударить мужчину так сильно, чтобы молоток вошел настолько глубоко. Могла бы обратить внимание остальных, что я ниже Чижю и не смогла бы нанести удар сверху вниз, а по положению орудия убийства очевидно, что так и было и били его не лежащего.

Но что бы я ни пыталась донести до этих людей, приговор мне уже вынесен – вижу по глазам Главы.

Чижю убил кто-то высокий. Выше его. Мужчина. Филин не дурак, он не может этого не понимать. Однако мужчины – ценные работники на руднике. Главе выгодно закрыть на это глаза и отдать на растерзание

меня.

Поэтому – оправдываться? Перебьется.

– Да пошел ты, – наконец произношу то, что давно мечтала.

В ответ получаю удар по лицу. И это не пощечина. Это самый настоящий хук правой.

Успеваю лишь чуть отклонить голову, чтобы не выбил зубы. В голове звенит.

А потом вспышка.

Еще одна.

...Я бью какого-то мужчину. Он крупнее меня, хотя и некрупный для мужчины. И мой единственный шанс – внезапность.

Мужчина отшатывается. Переступает с ноги на ногу, и это его ошибка. Подсекаю. Падает. Но быстро ориентируется – перехватывает мою ногу, занесенную для удара, и дергает на себя.

Тоже падаю, перекатываюсь. Уклоняюсь от кулака, летящего мне в лицо.

Противник пытается забраться на меня сверху, понимая, что его преимущество – вес.

Бью лбом в переносицу.

– С-су-ука!

На меня фонтаном хлещет кровь из разбитого носа...

– Поднимайте ее. – Картинка перед моими глазами рассыпается битыми стеклами, и только теперь понимаю, что я на полу. – Заприте пока. Сначала похороны – потом казнь. Завтра.

Завтра. У меня есть еще целый день, чтобы пожить, – как щедро.

– Да пошел ты, – с удовольствием повторяю разбитыми губами.

После чего Ибис снова подхватывает меня под локоть и волочет за собой.

Глава 6

На каждое действие есть противодействие. А каждый поступок влечет за собой последствия.

Я могла сразу же после падения с крыши попытаться найти

молоток и унести его с собой. Могла не убегать от Чиж. Могла не запереть за собой дверь. Могла не идти закрывать люк, а переодеться и вернуться в столовую, чтобы разделить праздник со всеми и непременно попасться на глаза Главе. Я могла...

Могла поступить по-другому в каждом из перечисленных случаев, но сделала так, а не иначе. И оказалась... здесь.

Камерами временного заключения на Птицеферме служат подвальные складские помещения – попросту говоря, кладовки. Маленькие, тесные, без окон.

В одну из таких «мышинных нор» и приволакивает меня Ибис, а затем без лишних слов швыряет на пол. Запирает дверь и оставляет в полной темноте. В духоте, без еды и воды.

А я, вместо того чтобы биться в истерике, колотить кулаками в дверь и пытаться оправдаться, усаживаюсь на пол, обхватываю руками колени, откидываю голову на стену и... улыбаюсь. Я так давно хотела послать Филина с его выдуманной, изуродованной моралью подальше, что это принесло настоящее наслаждение.

И пусть радоваться мне недолго, это того стоило.

* * *

Эйфория проходит через несколько часов пребывания в импровизированном подzemелье. Приходит осознание: завтра я умру.

Страшно. Немного. Не слишком.

Нет, если бы был хоть какой-то шанс выкрутиться, я бы попробовала. Но Кайра выкрикнула мое имя, а Филин схватился за него, как бульдог за брошенную палку – впился зубами и не отпустит. Плевал он как на прерванную жизнь Чиж, так и на мою. Главе нужно

замять конфликт, быстро и грамотно. Что может быть проще – жертва отомщена, преступник повешен.

Пожалуй, выйдет неплохой повод для очередного праздника. Жаль только Сова не успела сварить новую порцию самогона.

* * *

В темноте ощущение времени теряется. Тем более в тишине.

Про меня словно забыли, похоронили заживо в пластиковой коробке. Пластик... На Пандоре почти все из пластика. Серого, безликого. Как и наши жизни.

...Янтарная...

Лишь шепот в голове не оставляет меня в одиночестве.

Сжимаю зубы от бессилия. Кто ты, обращающийся ко мне так?

И кем была я?

Юная забастовщица, нарушительница спокойствия, стажер
какого-то военного подразделения...

С силой тру виски, пытаюсь вспомнить еще хоть что-то, но в
голове снова непроглядный серый туман-кисель. Серый, как чертов
пластик.

Пожалуй, смириться со своей скорой смертью проще, чем с тем,
что я так и не узнаю правды.

* * *

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем в коридоре
впервые слышатся шаги. Медленные, шаркающие, сопровождаемые
постукиванием. Тук-тук, тук-тук... Ключа.

Не пытаюсь встать и даже не меняю позы. Какой смысл? Зачем бы
Сова ни пришла, но точно не для того, чтобы меня выпустить. За мной
прислали бы Ибиса или Момота – того, кто сильнее и не позволит
сбежать.

Поэтому сижу и лишь поворачиваю голову туда, где, по моему
мнению (если я окончательно не потеряла ориентацию в
пространстве), находится дверь.

Она действительно там, потому что, к своему удивлению, вижу
свет фонаря снаружи. Оказывается, между дверью и полом есть щель
сантиметра в три, но из-за того, что в коридоре тоже было темно, я ее
не заметила.

Приглушенный свет, пляшущая тень, шаркающие шаги.
А потом звук льющейся воды.

И я уже не могу усидеть на месте. Сглатываю вязкую слюну и
полуприседом смещаюсь к двери.

Еще никогда в жизни я не была так рада видеть Сову. Она ведь
пришла не для того, чтобы переливать воду из одной тары в другую
перед моей дверью, просто чтобы помучить меня, правда? Неплохая
получилась бы пытка...

Недодумываю мысль, потому что внезапно меня снова накрывает.
Да так, что с размаха врезаюсь спиной в стену, а потом сползаю по ней
на пол. Будто меня кто-то швырнул.

Вспышка. Белая, слепящая.
Еще одна.

...Стекаю по стене. Ощущение – что все мои кости превратились в желе. Или разбиты вдребезги – я еще не определилась. Боль адская.

– Вставай, – раздаётся сверху насмешливый голос. Но поднять голову я не в силах – слишком больно. – Что, – снова насмешка, –
теперь ты не такая смелая?

– Да пошел ты, – шиплю через сжатые зубы.

– Не-э-эт, – противно растягивает слова говорящий. Подходит ближе. В моей зоне видимости черные начищенные ботинки. Кажется, я даже могу рассмотреть в них свое отражение. – Теперь-то мы поговорим.

Затем следует серия ударов: по лицу, в живот – кулаком, ногой в блестящем ботинке – в колено.

Больно, но я только крепче сжимаю зубы.

– Будешь говорить?!

– П-шел ты, – шепчу на грани потери сознания и сплевываю кровь. Попадаю на себя же. Черт...

Тяжелый кулак замахивается вновь, но очередного удара не следует. Дверь с грохотом распаивается.

– Скорее! Они здесь! Окружают! – кричит высокий молодой голос. Не понимаю, мальчишеский или женский.

Тот, кто меня избивал, выдает целую серию ругательств. А в следующий миг из коридора доносятся звуки выстрелов.

– В окно! Быстрее! – Опять этот звонкий голос.

Топот бегущих ног, звон бьющегося стекла, снова выстрелы. На этот раз с улицы.

Прикрываю глаза и испускаю вздох облегчения. Значит, я не зря тянула время – успели.

Новые шаги, быстрые, но легкие. Не поднимаю век, мне кажется, эти шаги я узнаю где угодно.

– Янтарная! – Человек приближается. До меня доносится звук соприкосновения чего-то металлического с полом, должно быть оружия. – Эй, Эм, ты меня слышишь?

Но у меня нет сил даже открыть глаза. Да и куда мне торопиться?

Остальное доделают без меня.

– Эм, ты со мной? – Меня касаются руки, теплые, бережные. Те самые, которые однажды уже спасли меня – затащили в свой дом, когда я по малолетству участвовала в демонстрации.

Не знаю, откуда мне это известно, но ни на миг не сомневаюсь, что это тот самый человек: парень в светлой футболке, мужчина с ожогом
на ладони...

Он аккуратно касается моего подбородка, поворачивает голову из стороны в сторону; не сопротивляюсь. Затем касается ребер. С шумом выпускаю из легких воздух.

– Ясно, – делает какой-то вывод мой спаситель. И уже не мне, а в сторону выхода: – Эй, где там медики?!

– Дорнана подстрелили! Все там!

– Черт.

Судя по звуку шагов, кричащий из коридора появляется в дверях.

– Живая? – спрашивает. Тяжело дышит, как после быстрого бега.

– Жить будет. – Тот, кто сидит на корточках возле меня и все еще сжимает мою руку, отвечает таким тоном, будто это не он только что звал ко мне медперсонал.

– Тогда пошли, – торопит второй. – Здание еще не проверили.

Вдруг заминировано. Валим.
Валим, валим, валим...

Это слово эхом отдается в висках. Мне хочется свалить прямо
сейчас – в небытие.

– Эй, так не пойдет. – Тот, что держит меня за руку, трясет за плечо. – Не отключайся.

А потом силой заставляет подняться. Тут же оседаю на поврежденное колено.

– Ник! Вы там уснули?! – кричат из коридора.

Ник – мое сознание цепляется за это имя, рвется к нему. Хочу увидеть, хочу понять. Но та я, из прошлого, так и не открывает глаз. И я не вижу – только чувствую.

– Идем уже! – откликается тот, кого назвали Ником,
и подхватывает меня на руки.

– Я тебе не принцесса, – бормочу для порядка, а сама с наслаждением располагаю голову на его плече.

– Дура ты, а не принцесса, – получаю в ответ. – Не рыпнулась бы без прикрытия, мне не пришлось бы тебя таскать.

– Не рыпнулась бы, – передразниваю сонно, в его руках так тепло, – нас бы всех порешили. Это была ловушка.

– Поняли уже, – отвечает с досадой. – Все равно дура с замашками камикадзе.

– Пусть лучше будет принцесса. А ты мой рыцарь.

Хмыкает над ухом, чувствую его дыхание на своих волосах.

– Скорее уж конь...

– Эй, Гагара, ты живая? Что там у тебя? – спрашивает из-за двери скрипучий голос Совы, возвращая меня в реальность. – Гагара? – И кажется, пытается дозваться не в первый раз.

Тру ушибленный затылок и поднимаюсь.

В голове звон. Но если бы я была уверена, что после очередного удара мне «покажут» еще одну картинку из прошлого, то не задумываясь приложилась бы еще раз.

Ник... Это видение было особенно ценным – теперь я знаю имя.

– Гагара? – В голосе Совы смесь раздражения и беспокойства.

– Я здесь, – выдыхаю. Но мыслями все еще далеко.

Кто я, черт возьми?!

– Бери тогда. – Из-под двери появляется тарелка.

Она такая плоская, что воды в ней совсем мало. Но посуда выше в щель не пролезла бы.

Жажда всепоглощающая, невыносимая. Видения подождут. Хватаю тарелку, трясущимися руками подношу к лицу и жадно выпиваю тот глоток, который в ней уместился. Мало.

Возвращаю тару обратно.

Процедура повторяется. Сова наливает, подсовывает; я пью.

– Хватит, – после пятой «передачи» объявляет гостя. – Тебе там еще ночь сидеть. А на двор-то не

выйдешь.

Ночь. Значит, сейчас только вечер.

Долго. Или быстро? Уже не понимаю и не знаю, что лучше. Тут очень душно, голова кружится. Не было бы видение не первым, подумала бы, что у меня начались галлюцинации от нехватки воздуха.

Впрочем, моя несчастная голова слишком часто сталкивается с чем-то твердым за последние сутки. Поэтому не факт, что причина в духоте.

– Спасибо, – бормочу.

Сова кхекает и на благодарность не отвечает. Стучает переставляемая клюка, шуршит одежда, доносится болезненный выдох. Моя гостья садится на пол?

На несколько минут повисает молчание. Жду, когда Сова заговорит сама. Это ведь она пришла ко мне, а не я к ней.

– Я знаю, что не ты убила Чиж, – наконец вознаграждается мое ожидание – женщина заговаривает.

Невесело усмехаюсь. Ну надо же: Сова на моей стороне. Сова, вечно недовольная мною и ни разу не позволившая пройти мимо без колкого замечания в мой адрес.

– Кто-нибудь может стать твоим алиби? – продолжает женщина, когда мое ответное молчание затягивается. – Сказать, что был с тобой вчера ночью?

Олуша.

Но если бы девушка хотела вступить за меня, у нее была масса времени на то, чтобы решиться. А самой упоминать ее имя, насильно призывать в свидетели – так только хуже. Олуша испугается еще больше и может наговорить того, что лишь продлит агонию.

– Не думаю, – качаю головой, хотя Сова и не может меня видеть. Тоже сажусь на пол и опираюсь спиной о дверь. Должно быть,

собеседница сейчас отзеркаливает мою позу с другой стороны.

– Пингвин напился и провалялся полвечера под столом, – продолжает Сова развивать тему. – Он мог бы соврать, что был с тобой. Филин его не видел.

– Но не стал, – произношу утвердительно.

Это же Пингвин. Главы он боится как огня и никогда ему не врет

и не перечит. В общем-то, как и большинство жителей Птицефермы.

– Не стал, – подтверждает Сова то, что не было вопросом. – Он уже ходил к Филину с прошением отдать ему освободившуюся Кайру.

Свято место пусто не бывает. Кажется, так говорят? Быстро сработано.

– Чиха хоть успели похоронить? – спрашиваю сухо.

В горле ком. Никогда не думала, что мне будет жаль своего похотливого соседа.

– Успели. Пару часов назад.

Пара часов. Верно – самое время «посвататься» к его женщине.

– Не отвлекайся, у меня мало времени, – недовольно шикает на меня собеседница.

Ну наконец-то. Так проще, так привычнее – когда Сова разговаривает со мной слишком по-доброму, это будто и не Сова вовсе.

– Больше никого нет, – говорю уверенно.

Это пустой разговор. Филин давно точит на меня зуб, и избавиться от нежеланного обитателя Птицефермы таким образом – наилучший способ.

– Ладно, я подумаю, – скрипит Сова. Затем стучит клюкой, поднимаясь.

У меня с языка чуть было не срывается вопрос, почему тогда она сама не станет моим алиби, раз уж ей так безразлична моя участь, но вовремя осекаюсь – уж она-то наверняка была весь вечер на глазах у Главы.

– За тобой придут утром, – сообщает Сова вместо прощания.

– Я не спешу, – заверяю. Сдохнуть я всегда успею.

Незваная посетительница уходит, и я снова остаюсь в одиночестве.

Однако все не так, как было до ее визита. У меня есть имя. А учитывая то, что я видела прежде, то целых два имени: Ник и Джилл.

Хотя нет, не два, а три. Был еще некто, кого ранили в перестрелке, – Дорнан. Но на это имя у моего подсознания нет никакой ответной реакции.

У меня по-прежнему слишком мало ответов.

До этого была драка. Теперь перестрелка. Что это? Какая-то военная операция? Служба безопасности, полиция? Кто? И за что я оказалась здесь?

Может быть, тот тип в ботинках и с тяжелыми кулаками и был представителем закона, а мы...

Но только сильнее начинает гудеть голова. Нет, не вижу. Снова стена, которую одним желанием не пробить.

А еще Ник в видении назвал меня Эм.
Эм и Янтарная...

И вдруг меня осеняет: английский, один из древних языков Земли, уроки которого обязательны в средней школе. Английский, ну конечно же!

По-английски «янтарь» – это «эмбер».
Эм...

Господи... Запускаю руки в волосы. Я поняла, я наконец поняла.
Меня звали Эмбер.

В той, в прошлой жизни меня звали Эмбер!

Глава 7

Должно быть, засыпаю от духоты. Сижу, гоняю в голове мысли о том, что вспомнила, надеюсь, что память снова приоткроет мне двери и покажет что-то еще. Но тщетно.

– Эмбер, Эмбер, меня звали Эмбер, – бормочу себе под нос придушенным шепотом.

Эта мысль не вызывает сомнений. Кусочек пазла точно становится на место, занимает свою нишу и дает ощущение правильности. И, как ни странно, свободы. Здесь, в темной тесной

«коробке», впервые за два года я чувствую себя свободной.

А потом словно проваливаюсь в колодец, где нет ничего, кроме темноты.

Прихожу в себя от звука, который издает ключ, проворачиваемый в ржавом замке.

Тру лицо ладонями и пытаюсь встать. От спанья в неудобной позе ноги затекли, и мне удается принять вертикальное положение не с первой попытки. В голове звон, словно я много выпила накануне или

будто меня били; а меня и били, и я много падала. Это хорошо, что обладатель ключа так долго возится с замком – у меня есть время прийти в себя.

Сейчас дверь откроется и меня потащат на виселицу. Свяжут руки и накинут петлю на шею. И я буду стоять на кривом трехногом табурете под веткой дерева и слушать обличительную речь Филина. А потом Глава лично вытолкнет табурет из-под моих ног.

Стойте, я еще не...

Чувствую укол страха. Вчера, когда я знала, что впереди еще целая ночь, не было так страшно.

Вот только поздно бояться.

На пороге появляется Момот с фонарем в руках. Тот светит тускло, как и все местные фонари, но по отвыкшим от света глазам бьет словно яркий прожектор.

Инстинктивно делаю шаг назад, прикрывая глаза ладонью, но мою руку тут же отдергивают от лица – Момот вцепляется в нее мертвой хваткой и дергает на себя. Едва не падаю, а он перехватывает

руку, сжимая, как железными тисками, повыше локтя, и волочет меня к выходу. Все молча, будто ему велели передвинуть мебель.

Сцепляю зубы и не пытаюсь сопротивляться – все равно тщетно. А если меня доставят на казнь с выбитыми зубами, это только повеселит Филина.

Момот быстро шагает впереди, подсвечивая себе под ноги фонариком, я же еле поспеваю за ним по темным коридорам. Один раз спотыкаюсь и падаю, но он не останавливается, не ослабляет хватку – тащит за собой по полу. Шиплю от боли и кое-как поднимаюсь на ноги. Момот даже не оборачивается. Он словно машина – записана программа: «Привести куда велено», – и все остальное его не волнует. Чертов садист.

На лестнице приходится совсем тяжело: Момот шагает через две ступеньки, уже бегу, но стараюсь не отставать. От меня уже мало что зависит, но на собственную казнь я намерена прийти своими ногами – пусть считают это моей последней волей.

* * *

Дневной свет бьет по глазам.

Солнце уже высоко, по небу плывут редкие облака – безветрие. Глина под ногами снова сухая и потрескавшаяся – один день, а следов недавнего дождя как не бывало.

Боль в руке, сдавленной Момотом, невыносимая, поэтому и

пялюсь то в небо, то под ноги, чтобы отвлечься. Не выходит.

Конвоир сволакивает меня с крыльца, тащит вперед, не ослабляя хватку. А впереди... Нас уже ждут.

Жители Птицефермы образовали собой живой круг во дворе. Когда мы приближаемся, они расступаются, пропуская, и я вижу Главу. Филин стоит в центре круга, заложив руки за спину, широко расставив ноги и приподняв подбородок – эдакий агрессивный вариант позы

«вольно». Этот человек пришел сюда карать, и ему очень нравится его роль.

Впрочем, как и Момоту. Которому, как оказалось, тоже не чужда театральность: он с силой вталкивает меня в центр круга и отступает к остальным, а я падаю в прямом смысле к ногам Главы.

Кожа на моей руке пульсирует и наливается синевой, а приток крови вызывает новую порцию боли. Морщусь и поднимаюсь на ноги. Накрываю ладонью одной руки болезненное место на второй.

Смотрю в серую глину под ногами. Не хочу видеть Филина, не испытываю желания рассматривать собравшихся. И так знаю, что увижу на их лицах: у большинства – равнодушие, у других – облегчение от того, что это не они стоят сейчас в круге. Полагаю, у одного-двух на лицах все же будет написана жалость. Но ее я не хочу видеть больше всего.

Молчание гробовое, тишина почти полная. Мне даже кажется, что слышу дыхание стоящих вокруг людей.

Поэтому вздрагиваю от неожиданности, когда Филин вдруг громко хлопает в ладоши за моей спиной.

– Что ж, раз все в сборе, начинаем! – объявляет и подходит ближе. Не оборачиваюсь. – Гагара, тебе есть что сказать нам касательно того, что произошло вчера? – Тяжелая ладонь ложится на мое обнаженное из-за тонких бретелей сарафана плечо.

Прикосновение шершавой горячей руки настолько неприятно, что меня едва не передергивает.

Он хочет слез, оправданий, мольбы.

– Я уже все сказала, – отвечаю мрачно и коротко. Пошел он.

– Лгать нехорошо.

Непроизвольно дергаюсь, потому что последнее слово Филин ласково произносит мне на ухо. Чувствую спиной жар его тела –

теперь он стоит слишком близко.

– За ложь ты будешь наказана.

Еле пересиливаю себя, чтобы остаться на месте. Играть в догонялки и бегать от Главы – глупо: из круга меня все равно не выпустят.

– Сначала за ложь, потом за убийство? – спрашиваю сухо. Чувствую, как трескаются от жажды губы, во рту появляется металлический привкус крови.

– Обвинение в убийстве снято. И если бы ты вчера честно рассказала, где и с кем была, его бы вообще не последовало.

Это шутка?

Резко оборачиваюсь к Главе, вынуждая его убрать ладонь с моего плеча и даже отступить. У него серьезное лицо, а в глазах – досада. Он был бы рад повесить меня сегодня, однако что-то произошло и помешало его планам.

Неужели Олуша решилась?

Ищу ее взглядом, но не нахожу. Видимо, спряталась за спинами остальных. Не ожидала, что она осмелится, если струсила вчера...

– ...Пересмешник рассказал нам правду. – Голос Филина холодным ветром врывается в поток моих мыслей, и я лишь каким-то чудом успеваю прикусить язык, прежде чем с него сорвалось бы удивленное: «Кто?!» – Твое желание скрыть от Пингвина то, что ты проводишь время с кем-то другим, похвально. Но законами Птицефермы это не возбраняется. Ни к чему жертвы... Пересмешник, подойди, – заговаривает Глава громче. – Повтори перед всеми то, что сказал мне.

Наверное, я слишком долго просидела в душной комнате, без еды и воды, потому как соображаю очень медленно. В голове полнейший вакуум. В каком-то коматозе смотрю на выходящего в круг новенького и почему-то думаю о том, что не зря подозревала – длины его волос хватит, чтобы собрать их в короткий хвост; именно это он сегодня и сделал.

Пялюсь на Пересмешника во все глаза, но он достаивает меня лишь беглым взглядом, поворачивается к зрителям.

– Вчера вечером я признался Главе, что мы с Гагарой ушли с праздника вместе, – врет с самым невозмутимым видом. Затем, усмехаясь, разводит руками. – Пингвин, без обид. Гагара – горячая штучка, я не удержался.

Тупо моргаю. Может, я брежу?

Мой сожитель, стоящий прямехонько напротив, выпучивает глаза.

– Чего-о-о? Да она бревно!

Нет, если это и бред, то крайне реалистичный – узнаю Пингвина: ему говорят, что спали с его женщиной, пока он отвернулся, а он возмущен только тем, что ее назвали горячей.

– Может, просто рубанок надо смазать, – комментирует выпад Пингвина Чайка.

По рядам проходит волна хохота, окончательно убеждая меня в том, что я не сплю и все происходит на самом деле.

Но зачем Пересмешнику меня прикрывать? Неужели он не понимает, что если правда откроется, то висеть ему со мной на соседнем дереве?

Сова пообещала подумать над моим алиби. Что, если это она попросила его об одолжении?..

И только тут до меня доходит – как холодной водой обдаёт: значит, после того как я ушла, новичок тоже ускользнул из столовой. И алиби у него тоже нет...

– Гагара, ты подтверждаешь? – Филин опять обращается ко мне.

По глазам вижу: надеется, что я совсем безнадежна и сейчас заявлю, что слова Пересмешника – ложь.

– Подтверждаю.

Глава чуть смежает веки – недоволен, однако оснований для казни больше нет. Не сомневаюсь, причины найдутся в скором будущем – я теперь для него как кость в горле.

Тем не менее Филин кивает.

– В таком случае обвинения в убийстве сняты.

Поднимается шум, все начинают переговариваться, делиться мнением.

– Как сняты?! – громко взвизгивает Кайра, перекрикивая остальных. – А Чиж?! Кто тогда убил Чижа?!

Хороший вопрос. И мой главный подозреваемый только что спас меня от виселицы.

Филин властно поднимает руку, призывая к тишине.

– Мы проведем расследование, – обещает твердо, когда гомон

смолкает.

Кайре хватает ума смолчать и не перечить решению Главы. Но ее полный ненависти взгляд устремлен на меня. Похоже, в отличие от Филина она на полном серьезе верит, что это была я.

– Что касается наказания за ложь, – продолжает Глава. – Гагара, ты своей ложью ввела нас всех в заблуждение и помешала расследованию смерти Чижа по свежим следам. За это... – Мужчина делает вид, что задумался, но не сомневаюсь: он все придумал заранее. – Розги. Пять ударов.

Втягиваю в себя воздух через крепко сжатые зубы – розги, опять.

– Момот исполнит.

Снова шушуканье вокруг. Все знают Момота и его любовь к наказаниям. Но мне грех жаловаться: между виселицей и розгами выбор очевиден.

Покорно склоняю голову, и не думая спорить.

– Забери ее пока, – слышу голос Главы и не успеваю сообразить, к кому он обращается, как чужие пальцы накрывают мое запястье. В отличие от хватки Момота – почти невесомо.

Пересмешник увлекает меня за собой в круг; не сопротивляюсь. А потом он едва ли не с силой разворачивает меня и обнимает со спины, по-хозяйски разместив руки под моей грудью. Дергаюсь.

– Стой, – приказ на грани слышимости.

Приходится послушаться. Сердце гулко бьется в груди, прямо под ладонью Пересмешника. Должно быть, он чувствует. Заставляю себя расслабиться и откидываюсь спиной ему на грудь. Полагаю, со стороны мы действительно смотримся как любовники. На самом деле у меня ноги дрожат и почти не держат, и я взваливаю на своего нежданного спасителя половину моего веса.

– А у меня еще одно объявление, – тем временем заявляет Филин, обращая внимание зрителей на себя и отвлекая любопытные взгляды от нас с Пересмешником. Выдыхаю с облегчением. – Вчера Пингвин обратился ко мне с просьбой позволить ему жить с Кайрой.

Девушка вспыхивает смущенным румянцем – расценивает как комплимент.

– Я был готов согласиться. Но тогда я был уверен, что Гагара виновна. – Взгляд-выстрел в мою сторону; пытаюсь выглядеть как можно более расслабленной в объятиях почти незнакомого мне человека. – Теперь все изменилось...

– А чего это Пингвину Кайру?! – раздается с задних рядов. Не

могу

понять кто. Зяблик?

Кажется, Кайра тоже не поняла – вертит головой, но жутко довольна популярностью. Бедняга Чиж.

– Об этом я и говорю, – охотно соглашается Глава. И у меня даже создается впечатление, что тот выкрик был заказным. – У нас много холостяков. Позавчера мы выяснили, что Кулик слаб и не заслуживает женщины, и я задумался, что, возможно, он такой не один. И принял решение: ровно через неделю состоятся состязания. Все пары будут

разбиты. Победители смогут выбрать себе женщину по своему желанию. Согласны?

В моем сознании этот вопрос противоречит ранее сказанному

«принял решение». А «холостяки» нестройным хором с энтузиазмом кричат о своей согласии. «Парные» хмурятся, но не возражают. Кто же станет отказываться от состязаний?

– Гагара...

Да чтоб его. Заставляю себя выпрямиться, Пересмешник убирает руки.

– Несмотря на твою ложь, я тоже допустил ошибку... Напрягаюсь: это что-то новенькое.

– ...поэтому эту неделю я разрешаю тебе жить одной. Останешься ли ты дальше с Пингвином или нет, решит испытание.

– Не останется, – ворчит упомянутый, но так, чтобы слышали те, кто стоит рядом, а не Глава.

Еще бы, Пингвин твердо решил заполучить Кайру и будет за нее биться. Зачем ему теперь я?

Знал бы он, какое это облегчение.

– Благодарю, Филин, – покорно опускаю глаза.

Благодарю тебя за то, что у меня будет неделя, чтобы залечить раны от розг и только потом предоставить свое тело тому, кого ты выберешь.

* * *

Момот – любитель пороть наказанных. Причинять боль доставляет ему истинное наслаждение, и он не считает нужным это скрывать. У него даже лицо преображается: появляется улыбка и загораются глаза.

В прошлый раз меня порол Тетерев. И это было... легче. Ударов мне тогда причиталось больше, но после тех десяти я смогла доползти до комнаты сама. После этих пяти... На самом деле я отрубаясь после трех.

Прихожу в себя от того, что кто-то брызгает мне на лицо водой.

Я все еще подвешена за руки к ветке, так что еле достаю ногами до земли, голой грудью повернута к стволу дерева, спиной – на

всеобщее обозрение. Мой сарафан опущен до талии, чувствую, что сзади он мокрый – пропитался кровью.

От боли перед глазами все плывет, и я еле различаю перед собой Сову с кружкой в руках. Сперва она брызгает водой мне в лицо, а когда видит, что я очнулась, подносит кружку к губам. Делаю глоток.

Нужно поблагодарить, но из горла вырывается то ли хрип, то ли бульканье.

– Молчи уж, – скрипит Сова.
Прикрываю глаза.

Позади слышны голоса. Значит, я потеряла сознание совсем ненадолго – люди только-только расходятся.

В прошлый раз меня снял с дерева Пингвин – опасался, что загнусь. И то вспомнил не сразу. Сейчас... Сова при желании не сможет. Когда я потеряла сознание и полностью повисла на руках, веревки глубоко впились в запястья. Даже если она принесет мне нож, вряд ли у меня получится освободиться самой.

Плевать. Сейчас мне хочется только забыться.

Кажется, даже отключаюсь. Или нет? Совершенно не чувствую времени.

Кто-то протискивается между мной и стволом дерева, подставляет колено между моих ног. Дергаюсь. Неужели кому-то пришло в голову... сейчас?!

– Тихо. Я иначе тебя не поймаю. Сама понимаешь, за спину тебя не приобнимешь.

Пересмешник. Почему-то сразу расслабляюсь. Просто доигрывает в «любовников». И сейчас мне глубоко наплевать, зачем ему это понадобилось.

Мужчина перерезает веревку на моих запястьях, и я действительно кулем лечу вниз. Он подхватывает.

– За шею меня обними, – командует.

Верно, спина, подозреваю, в ключья. Меня и на руки не возьмешь. Можно, конечно, на плечо закинуть, как мешок со свеклой, но Пересмешник так отчего-то не поступает.

Руки не слушаются, мне удастся выполнить его приказ только с третьей попытки. После чего он подхватывает меня под бедра, так, чтобы мои ноги оказались с обеих сторон от его тела.

– Расслабься, не уроню.

– Если я расслаблюсь, то отрублюсь, – хриплю куда-то ему в шею. Отрублюсь и разожму руки.

– Ладно, тогда продержись еще пять минут, – соглашается.

– Угу, – мычу и крепче его обнимаю.

Волосы Пересмешника еще сохранили слабый отголосок запаха
того шампуня.

Мне нравится этот шампунь.

* * *

И все же не сдерживаю обещание – теряю связь с реальностью
где-то на крыльце.

Новый проблеск сознания – от боли, когда меня укладывают
животом на постель.

– Все, иди, – слышу скрипучий голос Сова. – И кликни мне
Майну или Олушу. Пригодятся.
Придется шить.

– Я могу помочь?

Пересмешник? Он все еще здесь?

– Майну или Олушу позови, – повторяет Сова с нажимом.
Слышатся шаги – уходит.

– Слыхала? – Это уже мне. – Еще помочь рвется. Вот запала ты
ему.

Не запала, а упала. На грудь. С ветки.

Но у меня нет сил, чтобы язвить вслух – только мысленно.

– Сейчас промю и зашью кое-что, потом перевяжу, – бормочет

Сова себе под нос, кажется не ожидая моего ответа. – Как раз заживляющее привезли.

Верно, позавчера же была поставка медикаментов, а в первые дни на радостях Сова не столь экономна в их использовании.

Выдыхаю и расслабляюсь. Только крепче обнимаю подушку, когда отчего-то холодные в жару руки касаются поврежденной спины.
А потом и вовсе кусаю наволочку.

Ерунда. Если Сова правда решила поделиться лекарствами, то все заживет за пару дней – современные медикаменты творят чудеса.

Думаю так, а еще через минуту опять проваливаюсь в спасительную темноту.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/tatyana-solodkova/pticeferma/>